

ПСИХОСЕМАНТИКА ЛИЧНОСТНОГО ОПЫТА

У статті досліджується процес формування особистісного досвіду на мікроструктурному рівні. Розглянуто процедуру суб'єктивного шкалювання у дитячому та дорослому віці. Виявлена певна таксономія суб'єктивних статистик досвіду.

Понятие личностного опыта не является общеупотребимым в современной психологии, поэтому правомерность введения его в понятийный аппарат нашего исследования требует дополнительного обсуждения.

Будем относить к личностному опыту часть индивидуального, характеризующую способность субъекта оценивать себя, других и окружающий мир по разным основаниям. Тогда личностный опыт есть совокупность устойчивых оценок на основе сложившейся системы интерпретаций.

Можно предположить, что такая совокупность оценок себя и других функционирует на двух уровнях: **микроструктурном** и **макроструктурном**.

Макроструктуры личностного опыта детерминированы отношением индивида к себе как к ценности, межличностными отношениями, мотивационно-ценностными ориентациями личности, профессиональной и другими видами деятельности. В каждой из трех сфер функционирования личностного опыта (Я — другие — мир) выработаны соответствующие способы интерпретаций.

Микроструктура личностного опыта проявляется и реализуется в последовательности сменяющих друг друга событий повседневности. Результатом многократного оценивания себя, других и окружающего мира в отношении к этим событиям является образование субъективных шкал, полюсами которых становятся различные параметры личности ("добрый" — "злой", "сильный" — "слабый" и т.п.). Совокупность таких шкал составляет психосемантическое пространство личностного опыта, которое в свою очередь становится основой для образования необходимых для жизнедеятельности макроструктур.

Если подвергать изучению какой-либо компонент опыта в его частном проявлении (память, стереотип и т.п.), то он становится вполне количественно измеряемым. Если же, например, вслед за Роджерсом, рассматривать его в целом, как духовность, попытки измерения приводят к потере объекта измерения. Представляется, что в теории шкалирования Стивенса заложены основания для преодоления данного "межпарадигмального разрыва".

Психофизическими явлениями, которые одновременно продвигают и усложняют проблему “измеряемого”, оказались феномены субъективных интервалов и биполярности субъективных шкал.

Понятие шкального расстояния было введено в теории измерения именно для величин, для которых нельзя найти подходящей единицы измерения [3, 6, 7]. Шкала интервалов оказалась наиболее “рабочей” в практике психодиагностики. На ее основе была разработана техника семантического дифференциала, предложенная Ч.Осгудом [9].

Шкала семантического дифференциала относится к оценочным и представляет собой весьма сложную структуру. По классификации Е.М.Вольф “на ней находится целый ряд признаков, которые могут двигаться по нарастающей/убывающей, причем часто независимо друг от друга” [5].

В основании теории конструкторов Дж.Келли, наиболее разработанной и продвинутой в плане практического применения психодиагностики, лежит представление о принципиальной двухполюсности функционирования индивидуальных значений. Выделяя, называя, утверждая что-либо, субъект всегда имеет в виду нечто противоположное (реальное либо воображаемое) данному. Согласно Келли “в поисках смысла в окружающей действительности мы подмечаем и сходство и различие одновременно. Польза конструкта — именно в контрасте. Биполярность заключена в нем самом, а не в двух совокупностях элементов, различающихся по данному конструкту” [11].

Исходя из такой природы психологических шкал можно утверждать, что процесс шкалирования не является лишь топологически выверенной процедурой измерения, но переводится в ранг психологического средства интерпретации индивидуального опыта личности.

Здесь только остается невыясненной связь между способностью испытываемого давать количественную оценку некоторому качеству личности и очевидной способностью индивида накапливать опыт, воспринимая и препарируя ситуации из повседневности.

Можно предположить, что одним из основных результатов интеграции личностного опыта является наличие у индивида **субъективных статистик** различных модальностей: это и пространство субъективных психосемантических шкал [1], и символика невербального поведения [8], и нормативы речевой продукции [10]. Данный перечень легко можно продолжить, имея в виду, что статистики фактически являются отражением всевозможных сторон жизни индивида, различаясь по массиву, глубине, длительности жизни, репрезентативности и т.д.

Будем исходить из того, что повседневность, жизнедеятельность представляют собой “генеральную совокупность” ситуаций, событий,

поступков и т.д. Тогда отдельная статистика представляет собой репрезентативную выборку, валидную некоторому субъективному аспекту опыта, тем самым являя собою исходную единицу личностного опыта.

Примером некоторой статистики может быть отдельная субъективная шкала ("добрый — злой", "сильный — слабый" и т.п.), когда характер распределения суждения индивида по шкале есть результат накопленного в его собственной биографии. Распределение статистики по шкале может быть одномодальным либо бимодальным. В последнем случае противоположные дескрипторы ("добрый" — "злой") имеют самостоятельное значение, сосуществуют в опыте индивида, проявляясь, например, в двойственном (амбивалентном — Юнг) отношении человека к себе, к другим, к миру.

Одномодальность либо бимодальность статистики не является наперед заданной; переходы, перетекание одного распределения в другое является закономерным процессом, естественным для развивающегося индивида. Об этом свидетельствуют стадии возрастного развития, поведение в переходный период, маятниковый характер общественного мнения и т.п.

Статистики не существуют изолированно одна от другой, они могут быть расклассифицированы по различным основаниям, модальностям, сферам, периодам жизненной активности субъекта. Совокупности статистик отражают различные субъективные пространства опыта: психофизическое, мнемическое, психосемантическое, социальное и т.п.

Наличие в опыте индивида необходимого комплекса субъективных статистик позволяет ему иметь субъективное мнение о мире и своем месте в этом мире, высказывать суждения, делать умозаключения и, в конечном итоге, принимать решения. Такие решения основаны на вероятностной природе складывающихся у индивида в процессе жизнедеятельности статистик.

По своей генетической и организационной природе комплекс субъективных статистик представляет собой квазистабильное системное образование. Но тем самым ему обеспечен более высокий уровень развития, чем, например, навыку, умению.

Проблема описания (измерения) индивидуальности, и, в частности, самоописания (самоизмерения) остается одной из самых актуальных и малоразработанных в психодиагностике.

Конкретная статистика трудно поддается непосредственному измерению (физики, наверняка, сказали бы о невозможности прямого измерения).

Наличие измерительного прибора (экспериментатора, инструментария) пренебрежимо мало при замерах устойчивых единиц опыта

типа объем кратковременной памяти, языковая грамотность, стереотип и т.п. Иное дело — личностные опросники, шкальные оценки, когда нередко желание испытуемого ответить “и так, и так” (ситуативная бимодальность), а отсюда требование к нему экспериментатора отвечать “по первому впечатлению” (вынужденная одномодальность) и т.п. Наличие искажений, идущих от самой измерительной процедуры, становится серьезной проблемой психодиагностики [4].

Как происходит измерение на практике? Испытуемому предлагается некоторая шкала, края которой определены семантически противоположными утверждениями, в координатах этих утверждений он и должен произвести оценку какого-либо объекта (себя, другого, события, вещи и т.п.). Экспериментатор исходит из молчаливого предположения, что в данной языковой среде существует некий общий для всех нормативный социокультурный статус, например, понятий “обаятельный”, “общительный”, “злой” и т.д., которые сами по себе как бы не требуют дальнейших разъяснений, тем более дефиниций. И это действительно так.

Испытуемый не нуждается в дефиниции, более того, при попытке “дать определение” утверждению ни он, ни присутствующий экспериментатор ничего, кроме синонимии, а по сути, тавтологии, как правило, высказать не могут. Но несмотря на данный “понятийный нигилизм” само оценивание проходит успешно, не вызывая у испытуемого никакого когнитивного диссонанса.

Такое возможно лишь в том случае, если предположить, что всякая субъективная оценка, спроецированная на шкалу, имеет не номинативную, а статистическую природу. Человеческий язык очень рано, произвольно и естественно для человека, становится живым носителем человеческого опыта. Причем одновременно опыта общечеловеческого и субъективного. Жизнедеятельность индивида в личном опыте как в своей превращенной форме “успокаивается” в виде субъективных статистик, существенность которых всякий раз подтверждается возвращением обратно в жизнедеятельность в виде мнений, установок, оценок и самооценок.

Таким образом, рассматривая природу и возможность шкалирования, оценивания (логического, образного либо эмоционального) мы приходим к выводу, что ближайшим психологическим образованием, обеспечивающим акт оценки “без дефиниций” является личностный опыт.

Исходным для нашего исследования было представление, что в основе субъективного шкалирования, суждения, принятия решения лежат статистики как единицы опыта индивида, представляющие собой квазистабильную совокупность следов событий его жизни.

Задача выявления и измерения статистик как единицы опыта индивида является сложной и многоаспектной. Одним из средств проявления статистики является процедура шкальной оценки. Исходя из того, что факт оценивания является результатом множества предшествующих неявных психологических процессов, можно попытаться произвести обратную процедуру. Для этого необходимо выяснить прежде всего субъективные средства шкалирования, из которых испытуемый исходит изначально.

Гипотеза состояла в том, что субъективная статистика, выступая в роли измерительного инструмента личностного опыта, определенным образом отражает процесс его интеграции, что проявляется в специфике ее структуры и таксономии психосемантических шкал.

Задача данного исследования состояла в установлении таксономии пространства психосемантических шкал и его основных составляющих.

В эксперименте вначале испытуемые производили самооценку по 15 семантическим семибальным шкалам.

Затем их просили ответить по каждой шкале, отдельно для каждого ее полюса, на следующий ряд вопросов:

1. Как Вы понимаете данное качество?
2. Где Вы сталкивались с проявлением этого качества?
3. Какой персонаж (литературный, сказочный, мультипликационный, реальный) является носителем данного качества?

В эксперименте приняло участие две группы испытуемых: дети в возрасте 11-13 лет и взрослые в возрасте 20-30 лет.

Процедура измерения представляла собой экспертную оценку в баллах по каждому ответу для всех 15 дескрипторов, соответственно у детей и взрослых.

Таксономия субъективной психосемантики включала следующие показатели:

1. Уровень понимания испытуемым смысла дескрипторов при ответах на первый вопрос инструкции (баллы).
2. Асимметрия понимания. Различалась позитивная асимметрия – когда уровень понимания положительного дескриптора превышает уровень понимания отрицательного; негативная асимметрия – наоборот (баллы).
3. Перенос – объяснение смысла одного дескриптора через другой (количество шкал).
4. Семантическая поддержка – объем словарного запаса при ответах на второй вопрос инструкции по данному дескриптору (количество слов).
5. Адаптационный эффект – уровень адаптации (по Хелсону) [12], субъективная середина шкалы. Может быть положительным и

отрицательным относительно середины данной семибалльной шкалы в зависимости от того, какой полюс шкалы более значим для испытуемого (шкальные оценки).

6. Дисперсия – степень совпадения показателей самооценки в группе по отдельным дескрипторам (шкальные оценки).

Результаты экспериментов, отражающие средние данные по группам взрослых и детей, представлены в табл. 1 и 2.

Таблица 1
Таксономия шкал (дети)

Дескрипторы	Показатель					
	Понимание	Асимметрия	Перенос	Поддержка	Адаптация	Дисперсия
Позитивные	0.82	0.16	1.27	5.9	1.03	—
Негативные	0.84	0.23	1.40	6.4	—	—
Общие	0.83	0.19	1.33	6.1	1.03	0.45

Таблица 2
Таксономия шкал (взрослые)

Дескрипторы	Показатель					
	Понимание	Асимметрия	Перенос	Поддержка	Адаптация	Дисперсия
Позитивные	1.36	0.11	0.40	5.0	1.08	—
Негативные	1.42	0.15	0.87	5.4	—	—
Общие	1.39	0.13	0.64	5.2	1.08	0.43

В таблицах представлены 6 показателей, описывающих с разных сторон психологическое содержание шкальных оценок. В свою очередь, шкалы, имеющие позитивный и негативный полюсы/дескрипторы представляют собой конкретный способ проявления субъективных статистик индивида – единиц его личностного опыта.

Далее обсуждение будет производиться последовательно по каждому показателю, одновременно при сравнении данных по детям и взрослым.

Как видно из Табл. 1, 2, уровень **понимания** дескрипторов оказался выше у взрослых ($P < 0.01$ по критерию χ^2 Вилкоксона). В этом нет ничего неожиданного, т.к. дети раннего подросткового возраста еще не владеют в достаточной мере психологическими средствами обобщения, как и правилами высказывания дефиниций. Однако нужно добавить, что и для многих взрослых ответ на вопрос “Как Вы понимаете данное качество?” был достаточно труден.

Показатель **асимметрии** понимания дескрипторов между позитивным и негативным полюсами свидетельствует о том, что в статистиках накапливается и обобщается информация из повседневности

неравномерно относительно положительных и отрицательных качеств личности.

Из Табл. 1 и 2 видно, что более значительную асимметрию между полюсами показывают дети. Можно было бы предположить, что асимметрия между противоположными дескрипторами шкалы связана с недостаточным пониманием детьми некоторых понятий, что затем нивелируется с возрастом. Детальный сравнительный анализ понимания дескрипторов детьми и взрослыми говорит о том, что такой вывод был бы неточным. Действительно, личностный опыт детей в сравнении с опытом взрослых еще недостаточен для глубокого понимания того или иного дескриптора. Однако действительная причина большей асимметрии в детстве видится в другом.

На смену асимметричным шкалам в детстве приходят иные асимметричные шкалы взрослых. (Например, положительная асимметрия для шкалы "честный — нечестный" в детстве, говорящая о преобладании "честных" ситуаций в опыте ребенка, сменяется на отрицательную асимметрию у значительной части взрослых). Другими словами, "детская асимметрия" сменяется "взрослой асимметрией". Такое возможно, если исходить из изначальной двойственности субъективных шкал.

Результаты эксперимента показывают, что действительным источником асимметрии является наличие относительно независимых статистик в индивидуальном опыте личности для разных полюсов шкалы.

Данный факт имеет важное значение для понимания природы личностного опыта. Наличие двух независимых статистик на одной шкале лежит в основании универсальной способности индивида производить одновременно две противоположные по смыслу оценки одного и того же объекта, которые представляются противоречивыми внешнему наблюдателю, но совместимы в его опыте.

В общепсихологическом плане есть основания предполагать, что двойственность субъективных оценок лежит в основе общих адапционных возможностей индивида.

Последнее, однако, предполагает, что статистики и соответствующие им шкалы не действуют изолированно. Механизм их кооперирования можно выявить при анализе следующего параметра.

Показатель **переноса** смыслов от одних шкал к другим оказался бульшим в детском возрасте. Феномен переноса фактически отражает так называемое "склеивание" шкал [7], которое является генетически и функционально необходимым в процессе формирования статистик и является условием для дальнейшей дифференциации шкал, оппозиций, полюсов, дескрипторов.

Феномен склеивания проявился для немногим более половины всех дескрипторов (53.3%). При этом объяснения значений одного дескриптора через значение другого часто не было обратимым (Например, дескриптор "непривлекательный" получал у детей объяснение с помощью дескрипторов "злой", "глупый". Наоборот, при определении понятий "злой" и "глупый" дескриптор "непривлекательный" не использовался и т.п.). Такая необратимость заставляет говорить, что речь идет не о "склеивании", а о своеобразном "приклеивании" одного дескриптора к другому.

Детальный анализ ответов испытуемых показывает, что сама возможность склеивания находится в зависимости от уровня понимания дескриптора. Дескрипторы, шкалы и стоящие за ними личностные характеристики склеиваются на том уровне сформированности личностного опыта, когда степень понимания дескриптора является "промежуточной". Перенос практически не наблюдается в случае, если понимание дескриптора ещё аморфное ("низкий" уровень понимания, характерный прежде всего детям) либо уже дифференцированное ("высокий" уровень понимания, характерный для взрослых).

По показателю семантической **поддержки** — числу семантических единиц, описывающих данное понятие — значимых различий между детьми и взрослыми не обнаружено. Важно лишь отметить использование различных по лингвистическому содержанию тезаурусов. В частности, для детей характерным было включение в описание различных литературных и киногероев, персонажей из сказок и мультфильмов.

Полученные данные говорят о том, что то или иное значение точки уровня **адаптации** и для детей и для взрослых не связано с уровнем понимания дескриптора. Точно так же показатели самооценки не связаны непосредственно ни с феноменом переноса, ни с семантической поддержкой. Можно утверждать, что мнение о себе и оценка испытуемым себя не определены только лишь "статистикой" встреч индивида с "сильными-слабыми", "добрыми — злыми" и т.п. персонажами. Существуют какие-то иные постоянные факторы, формирующие самооценку индивида в процессе его жизнедеятельности.

Из Табл. 1 и 2 видно, что у детей и взрослых существует универсальный сдвиг показателей самооценки в позитивную сторону, негативный сдвиг вообще отсутствует. Такие ответы закономерны, так как всякая самооценка затрагивает мотивационную сторону личности, которая защищает и поддерживает необходимый уровень самоуважения.

Подробный анализ ответов по отдельным шкалам позволил выявить ряд из них, где испытуемые обеих групп дали наиболее высокие положительные результаты: "умный — глупый", "общительный

– необщительный”, “отзывчивый – замкнутый”, “справедливый – несправедливый”. Одновременно низкие именно для этих шкал значения **дисперсии** позволяют говорить о наличии самооценочных стереотипов, уже с раннего возраста влияющих на характер субъективных статистик, а в более широком смысле, влияющих на формирование личностного опыта детей и взрослых. Устойчиво высокое, “единогласное” оценивание себя по качествам – умный, открытый, справедливый, наверняка, не является универсальным, инвариантным. В иных социумах их ранги могут меняться. Вместе с тем, их “социальность” подтверждается как раз тем, что такие качества регулярно воспроизводятся по результатам наших и других опросов последних лет, где желательность данных качеств приписывается и себе и другим.

Представленная здесь и проанализированная таксономия субъективного шкалирования фактически является отражением своеобразной микроструктуры психологического пространства личностного опыта.

Трудность в изучении статистик состоит в том, что по своей природе они являются реальными носителями **всего** протяженного во времени личностного опыта, а любой эксперимент способен охватить лишь **часть** опыта. Однако и в этой части выявилась довольно обширная и разнообразная номенклатура (таксономия) факторов и средств, которыми обладает субъект личностного опыта.

Литература:

1. Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 128с.
2. Бардин К.В., Забродин Ю.М. Проблемы сенсорной психофизики // Познавательные процессы: ощущения, восприятие. – М.: Наука, 1982. – С.89-117.
3. Берка К. Измерения. Понятия, теории, проблемы: Пер. с чешск. – М.: Прогресс, 1987. – 320с.
4. Бурлачук Л.Ф. Введение в проективную психологию. – К.: Ника-Центр, 1997. – 128с.
5. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 228с.
6. Гласс Дж., Стэнли Дж. Статистические методы в педагогике и психологии: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1976. – 495с.
7. Клигер С.А., Косолапов М.С., Толстова Ю.Н. Шкалирование при сборе и анализе социологической информации. – М.: Наука, 1979. – 112с.
8. Лабунская В.А. Невербальное поведение (социально-перцептивный подход). – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. гос. ун-та, 1986. – 135с.

9. Осгуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам // Семиотика и искусствометрия: Пер. с англ. — М.: Изд-во "Мир", 1972. — С.278-297.
10. Психолингвистические проблемы семантики. — М.: Наука, 1983. — 265с.
11. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. — М.: Прогресс, 1987. — 240с.
12. Nelson H. Adaptation level as frame of reference for prediction of psycho-physical data // Cemer. I. Psychol., 1974. — 60. — P.1-29.

И.Л. Леванова

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУПРУГОВ ИЗ СЕКСУАЛЬНО ДЕЗАДАПТИРОВАННЫХ ПАР

У статті виявлено особистісні ММРІ-профілі, що сприяють формуванню сексуальних дезадаптацій у подружніх парах.

Б. Андерсен, Ф.М. Старк, Я. Гросс [1] показали, что экстремальные и дезадаптивные реакции могут быть в значительной степени предсказаны наличием определенных личностных факторов. Дисфункциональное супружество и сексуальная дезадаптация представляют собой выраженный жизненный стресс. Поэтому мы попытались построить определенный личностный профиль супругов из дисфункциональных пар с сексуальной дезадаптацией. Для сравнительного анализа были взяты две выборки: 1) дисфункциональные пары с наличием сексуальной дезадаптации (n= 68), 2) дисфункциональные пары с отсутствием сексуальной дезадаптации (n=27). В таблице 1 приведены соответствующие данные.

Как видно из таблицы 1, профиль дисфункциональных пар при отсутствии сексуальной дезадаптации близок к астеническому симптомокомплексу дезадаптивного реагирования. При усугублении дисфункциональности супружеских пар сексуальной дезадаптацией личностный профиль близок к астено- ипохондрическому синдрому. Мы использовали метод кодирования по Хатауэю [2]. Помимо усреднен-

Таблица 1

Усредненный профиль личности супругов в разных супружеских парах

Тип супружеских пар	L	F	K	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
Дисфункциональные пары	50,2	65,1	51,4	61,4	82,2	63,4	54,3	-	52,7	73,4	65,0	41,1	62,5
Дисфункциональные пары с сексуальной дезадаптацией	51,1	65,2	49,6	82,4	76,3	71,1	63,2	-	65,2	72,2	68,3	51,1	67,8

ного профиля по шкалам ММРІ нами были выявлены варианты различных профилей в дисфункциональных парах с сексуальной дезадаптацией. Приведем эти варианты.

1. Неврозоподобный профиль: 127368'459-. Пассивное отношение к конфликту, уход от решения проблем, эгоцентричность, маскируемая декларацией гиперсоциальных установок. Среди этой группы лиц пространственным защитным механизмом является механизм "ухода в болезнь". Наличие такого механизма защиты свидетельствует об эмоциональной незрелости. Компенсирующая роль защитного механизма перерастает в ригидный, неконструктивный стиль переживания, снижающий уровень свободно плавающей тревоги, но оставляющий достаточно выраженной эмоциональную напряженность. Болезнь является как бы ширмой маскирующей стремление переложить ответственность за существующие проблемы на окружающих. Возможны нарушения сна, навязчивые страхи, чувство растерянности, беспокойства, ощущение надвигающейся беды. В психопатологической структуре имеются свободно плавающая тревога и тревожная депрессия. Высокий уровень тревоги не вытесняется, осознается и лишь подвергается соматизации. Имеются попытки рационализации психологического конфликта, вызвавшего тревогу. Кроме того, сочетание шкал 78' выявляет механизм интеллектуальной переработки и ограничительного поведения, направленного на избегание неуспеха, проявляющемся в явлениями навязчивости (навязчивые мысли, действия, ритуалы, страхи) и отражает проблемы заниженной самооценки, повышенного чувства вины, чувства собственного несовершенства и комплекса неполноценности. Эти проблемы являются признаками хронической дезадаптации.

2. Тревожно-фобический синдром: 7821364'90. Для этих лиц характерно наличие расстройств тревожного ряда, наличие навязчивых страхов — страха смерти, высоты, замкнутого и открытого пространства, одиночества. Фобические явления отличаются достаточной эмоциональной насыщенностью. В принципе этот профиль также относится к невротическим.

3. Расстройства психопатического типа: 41237'86-90. Асоциальные формы поведения затушевываются беспокойством по поводу состояния своего здоровья. При этом соматические жалобы используются для давления на окружающих, в частности на супруга, с целью получения преимуществ и рационального объяснения недовольства своим местом в группе, ощущения несправедливости, изолированности и т.п. Соматические жалобы отличаются постоянством и резистентностью к терапии. Имеется тенденция к тревоге, связанной с неспособностью обследуемых строить свое поведение в соответствии с

принятыми нормами и их склонностью в этой связи к самоупреку и самообвинению. Для лиц с указанным шкальным профилем характерны эмоциональная незрелость, стремление ориентироваться на внешнюю оценку. Последнее обстоятельство позволяет индивидууму контролировать свои асоциальные импульсы.

4. Расстройства социопатического типа: 4683'792-10. Склонность к асоциальному поведению, конфликтам, скандалам, обвинению окружающих. При этом отмечается агрессивность, злобность, рационализация своего поведения, замкнутость, отрицание тревоги. У этих лиц низкий порог экспрессии агрессивных импульсов, или, по другому, высокая предрасположенность к агрессивному ответу. Вместе с тем, приведенный личностный профиль внутренне дисгармоничен, так как сочетает стремление ориентироваться на внешнюю оценку (вытеснением отрицательных сигналов, исходящих от окружения) и ощущение враждебности со стороны окружения (с фиксацией и идеаторной переработкой сигналов, которые могут свидетельствовать о такой враждебности), склонность к пунктуальности, тщательности, точности, основательности и снижение социальной спонтанности и демонстративности, эгоцентричность, стремление быть в центре внимания. В связи с высокими показателями по 7-й шкале (психастенические черты) вытеснение негативных аспектов опыта у анализируемых лиц не бывает достаточно полным. Об этом свидетельствуют достаточно высокие показатели тревоги. Во всех приведенных личностных профилях отмечается сочетание разнонаправленных типов реагирования — гипо- и гиперстенических свойств. При смешанном типе реагирования высокая потребность самореализации сочетается со столь же высоким самоконтролем и тенденцией к отторжению, сдерживанию поведенческих реакций. В этом случае оказываются перекрытыми каналы как невротического, так и поведенческого отреагирования, что сказывается на общем перенапряжении и проявляется соматизацией внутреннего конфликта, то есть психосоматическим вариантом дезадаптации, мишенью которого окажется наиболее слабое звено той или иной функциональной системы организма.

Литература:

1. Андерсен Б., Старк Ф.М., Гросс Я. Социальный стресс, личность и экотравмирующие переживания: эмпирическое исследование ближайших реакций на Чернобыльскую катастрофу в Гамбурге // Социальная и клиническая психиатрия. - 1997, №4. - с. 6-13.
2. Собчик Л.Н. Методы психологической диагностики. Выпуск 1. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности. Методическое руководство. - М., 1990. - 75 с.

МОТИВАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ПАТОГЕНЕЗА СЕКСУАЛЬНОЙ ДЕЗАДАПТАЦИИ СУПРУЖЕСКОЙ ПАРЫ

*Використано метод "краю та середини" тесту Зонді.
Виявлено фрустровані мотиви, захисні механізми та
коренні особистистні чинники патогенезу сексуальної
дезадаптації подружньої пари.*

Проблема личностных особенностей, predisponирующих к формированию различных форм сексуальных дезадаптаций супружеских пар, не является окончательно решенной. Концепция "слабой почвы" как набора предрасполагающих черт личности не описывает мотивационно-смысловую драму патогенеза сексуальной дезадаптации. Нами был использован метод "края и середины" методики L. Szondi [1]. Потребности середины (этический вектор Р и вектор потребностей эго Sch) обуславливают морально-этические аспекты поведения, реализм и сохранение внутреннего равновесия. Влечения "края" (векторы S и C) сигнализируют об угрозах, которые возникают в результате межличностных контактов в сексуальной и других сферах жизни. "Середина" (векторы Р и Sch) характеризует защитные механизмы, посредством которых личность пытается защититься от угроз, идущих с "краев". Метод "края и середины" позволяет охарактеризовать структуру личности. Нами проведена серия исследований (8 проб) каждой супружеской пары. Такая серия позволяет выделить стилевые, устойчивые защитные механизмы личности. Наиболее часто угрозы для мужчин и женщин обследованных групп следующие: +! h (сильная неудовлетворенная потребность в любви), +! m (сильная неудовлетворенная потребность в привязанности и зависимости), сильная зависимость от одного из родителей, чаще всего от матери (С -+!), которая является холодной, не принимающей. Отсюда склонность к агрессивным реакциям (+ s) по отношению к этому родителю. Возможно чувство одиночества (-! m), что заставляет отвернуться от мира (-!d, -!m). Неудовлетворенная потребность в любви (+! h) приводит к аутоагрессии (-! s). Таким образом, блокада контакта, одиночество, уход от мира, или, наоборот, сильная неудовлетворенная потребность в привязанности (вектор С), с одной стороны, и неудовлетворенная потребность в любви, с другой, наряду с аутодеструктивными тенденциями, могут быть реальными психотравмирующими угрозами для пар с сексуальными дезадаптациями. Наиболее частая "середина" (векторы Р и Sch), характеризующая механизмы защиты во всех парах с сексуальными дезадаптациями следующая (см. таблицу 1.):

Таблица 1
Характеристика "середины" супругов из пар
с сексуальными дезадаптациями

е	hу	k	p	Характеристика
0	0	0	0	Это группа лиц с нарушенным механизмом самоконтроля - «не владеющие собой», склонна к алкоголизму, наркомании, к адюльтеру, беспорядочной половой жизни
0	0	0	+	
0	0	0	-	
0	0	0	+-	
+-	0	0	0	
-	0	0	0	
+	0	0	0	Депрессивные, мазохистические тенденции
0	-	+!	-	
0	0	+	-	
-	+	+	-	Невроз страха, тревожно-фобический синдром
+	0	+-	+-	
+	0	+-	+	
+	+!	+-	+-	

Были также выделены коренные, т.е. патогенные психологические факторы, определяющие поведение мужчин и женщин из пар с наличием сексуальной дезадаптации. Патогенными для мужчин из пар с наличием сексуальной дезадаптации являются следующие психологические качества: 1) неудовлетворенная потребность присоединения к близким людям, единения с ними (скорее всего с матерью) — партиципационная потребность (p-); 2) нереализованная потребность в любви и нежности, а, возможно, в гомосексуальных связях (h+); 3) неудовлетворенная потребность в зависимости от близких (m+); 4) нереализованная мазохистическая потребность (s-); 5) постоянная необходимость сдерживаться, самоограничиваться, вытеснять те потребности, которые воспринимаются окружающими как не соответствующие морали и идеалам общества, аутоагрессивность (k-).

Патогенными для женщин из пар с наличием сексуальной дезадаптации являются следующие психологические факторы: 1) одиночество, изолированность (m-); 2) неудовлетворенная потребность в любви и отвержение родителями (h+); 3) агрессивные тенденции по отношению к родителям и их субститутам (объектам, которые символизируют их) (s+). 3) неудовлетворенная потребность присоединения к близким людям, единения с ними (скорее всего с матерью) — партиципационная потребность (p-).

Литература:

1. Szondi L. Podrecznic eksperymentalnej diagnostyki popedow. Warszawa: ERDA, 1997.- 259 s.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЖИЗНИ У ЛИЦ, ПОДВЕРГАВШИХСЯ И НЕ ПОДВЕРГАВШИХСЯ ВОЗДЕЙСТВИЮ ИОНИЗИРУЮЩЕГО ИЗЛУЧЕНИЯ

Проблема вивчення адаптаційних можливостей людини є однією з найбільш цікавих і значущих.

Дане дослідження спрямоване на вивчення особливостей сприймання "життєвого шляху" у осіб, що зазнали і не зазнали впливу малих доз іонізуючого випромінювання.

Отримані результати свідчать про те, що, незалежно від групи, у всіх досліджуваних спостерігається звуження психологічного часу, домінування ретроспективних подій з акцентом на радісних переживаннях, страх перед майбутнім. При цьому в контрольній групі спостерігається більш виражене зниження загальної продуктивності, а у осіб, що зазнали впливу іонізуючого випромінювання має місце підвищена багатозначність подій.

Проблема изучения адаптационных возможностей человека является одной из наиболее интересных и значимых для широкого круга специалистов. Особую актуальность данная проблема приобрела в наши дни, когда многие переживают состояние "жизненных перемен". Субъективная оценка внутренней картины жизни (ощущений, восприятий, переживаний) представляет особый интерес, позволяя как бы "изнутри" увидеть те изменения, которые происходят в человеке на соматическом и психологическом уровнях.

Целью данного исследования явилось выявление и изучение особенностей восприятия "жизненного пути" у лиц, подвергавшихся и не подвергавшихся воздействию малых доз ионизирующего излучения.

В процессе проведения настоящего исследования обследовано 100 человек, которые образовали 2 группы по 50 человек каждая.

І групу склали соматически здорові особи (контрольна група). Із них 40 осіб (80%) чоловіки, 10 осіб (20%) жінки. По віковим критеріям вони розподілились наступним образом: 20-30 років – 30 осіб (60%), 30-40 років – 14 осіб (28%), 40-50 років – 6 осіб (12%). Всі досліджувані мали вище освіту.

ІІ група утворена особами, які піддалися впливу радіаційного фактора при ліквідації аварії на ЧАЕС (малі дози іонізуючого випромінювання до 25 бэр). Із них 47 осіб (94%) чоловіки і 3 особи (6%) жінки. По віковим групам вони розподілились наступним образом: 30-40 років – 1 особа (2%), 40-50 років – 48 осіб (96%), 50-60 років – 1 особа (2%). 40% мали вище освіту, 54% – середню і середню спеціальну. У 100%

испытуемых давность заболевания составила более 10 лет. 46 человек (92%) имело вегето-сосудистую дистонию и дисциркуляторную энцефалопатию I, II степени, 4 человека (8%) — гипертоническую болезнь, т.е. у 100% испытуемых наблюдается наличие различных сосудистых патологий головного мозга.

Исследование проводилось на базе отделения медицинской психологии Украинского НИИ клинической и экспериментальной неврологии и психиатрии.

В исследовании использовалась методика "Психологическая автобиография" [3], которая предназначена для оценки переживаний, связанных с наиболее значимыми сферами жизни, и позволяет раскрыть адекватность психического состояния и социальную адаптированность личности.

Каждому испытуемому предлагалось перечислить важные с его точки зрения события прошедшей и будущей жизни. Уточнялось, что количество событий не ограничивается. Далее испытуемого просили дать количественную оценку каждому событию с указанием примерной его даты.

Результаты, представленные в таблице №1, свидетельствуют о том, что у испытуемых I и II групп общее количество событий составили соответственно 6.79 ± 3.00 и 9.33 ± 3.09 , что ниже нормативных показателей (11.36 ± 0.36). Следовательно, для них характерно снижение общей продуктивности и социальной адаптированности, ограничение психологического времени, сложности с актуализацией образов прошлого и будущего, неадекватность психологического состояния. При этом данные характеристики более выражены у лиц, не подвергшихся воздействию радиационного фактора.

У испытуемых обеих групп количество будущих событий (1 ± 1.39 и 2.33 ± 0.75) также ниже нормативных (1.52 ± 0.41), что свидетельствует о беспокойстве за будущее и вытеснении волнующих и психотравмирующих событий прошлого.

Независимо от группы наблюдается преобладание прошедших событий над будущими, что согласуется с данными других исследований [1,2]. Количественные показатели: в контрольной группе (5.19 ± 2.47), у лиц, подвергшихся воздействию ионизирующего из-

Таблица 1
"Количество событий" по группам

Специальность	Прош.	Буд.	Рад.	Грус.	Сумм.
1(К)	5.19 ± 2.47	1 ± 1.39	5.08 ± 2.32	1.12 ± 1.05	6.19 ± 3.00
2(Ч)	7 ± 3.21	2.33 ± 0.75	6.50 ± 2.99	2.83 ± 1.21	9.33 ± 3.09

Таблица 2
"Вес" событий по группам

Специальность	Прош.	Буд.	Рад.	Грус.	Сумм.
1(Н)	23.12±11.01	4.65±6.43	23.19±10.08	4.58±4.62	27.77±13.14
2(П)	34.67±15.71	10.83±3.44	31.50±15.59	14±5.92	45.50±14.52

лучения (7 ± 3.21), что соответствует нормативным показателям (6.84 ± 0.36) [1].

Существенные различия между группами связаны с "весом" событий (таблица №2). Как видно из таблицы, общий "вес" событий у участников ликвидации последствий аварии (УЛПА) практически вдвое выше, чем у испытуемых I группы, причем за счет событий, оказавших (оказывающих) значительное влияние на жизнь испытуемых. Показатели во II группе соответствуют нормативным: 45.20 ± 1.83 . При этом суммарный вес событий в первой группе – 27.77 ± 13.41 , что в два раза ниже нормативных. Это свидетельствует о сужении круга значимых переживаний в контрольной группе и повышенной многозначности жизненных событий во II группе. Также следует от-

Таблица 3
Количество событий по группам

Специальность	Значит.	Умерен.	Малозн.
1(К)	5.35±2.62	0.54±0.89	0.31±0.77
2(Ч)	9±2.89	0.17±0.37	0.17±0.37

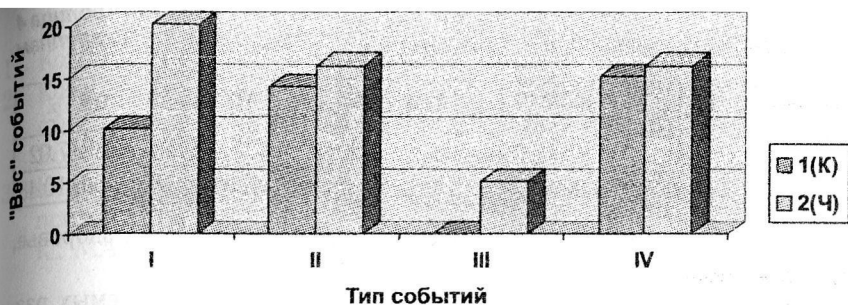
метить, что сужение значимых переживаний у испытуемых I группы происходит за счет снижения значимости образов будущего, как эмоционально радостных, так и грустных событий. Следовательно, у лиц, составивших данную группу падает интерес к будущему, и они сосредотачиваются на радостных сторонах прошлой жизни.

Таблица 3
Количество событий по группам

Специальность	Значит.	Умерен.	Малозн.
1(К)	5.35±2.62	0.54±0.89	0.31±0.77
2(Ч)	9±2.89	0.17±0.37	0.17±0.37

У испытуемых I группы наиболее значимы события личностно-психологического типа, далее события, связанные с изменением социальной среды, биологический тип событий, и абсолютно незначимыми явились события, связанные с изменением физической среды.

У испытуемых II группы все типы событий более значимы по весу, в сравнении с испытуемыми контрольной группы. Для лиц, под-

I: Биологический; II: Личностно-психологический; III: Изменения физической среды; IV: Изменения социальной среды.

вергшихся воздействию ионизирующего излучения характерно наличие событий, связанных с изменением физической среды, что обусловлено наличием психотравмирующей ситуации в анамнезе – аварии на ЧАЭС и ликвидацией ее последствий. Очень значимыми для них являются события биологического типа (болезни), что отражает субъективную оценку испытуемыми своего здоровья и объективно присутствующую картину наличия у данной категории лиц различных соматических и нервно-психических заболеваний. Также значимыми явились события личностно-психологического и социального типа.

Распределение полученных результатов по жизненным сферам следующее: в I группе наиболее значимы – дети, учеба (повышение квалификации), материальное положение, “Я”, “общество”. Во II

Жизненные сферы событий:

1 – родительская семья, 2 – брак, 3 – дети, 4 – место жительства, 5 – здоровье, 6 – “Я”, 7 – общество, 8 – межличностные отношения, 9 – материальное положение, 10 – учеба, повышение квалификации, 11 – работа, 12 – природа.

Таблица 4

Среднее время ретроспекции и антиципации событий по группам

Специальность	Будущ.	Прош.	Буд. Рад.	Буд. Гр.	Пр. Рад.	Пр. Гр.
1 (К)	0.82±1.30	11.68±5.73	0.67±0.97	0.50±2.50	12.39±6.12	6.38±7.02
2 (Ч)	3.18±1.92	16.62±8.49	2.15±2.04	2.92±4.64	16.88±6.34	14.54±10.48

группе – дети, работа, межличностные взаимоотношения, здоровье, место жительства.

По количественным показателям I и II группы испытуемых различаются по времени ретроспекции и антиципации событий. По качественным показателям можно говорить об общей тенденции, в контексте которой отсутствует временная перспектива (I группа: будущие события -0.82 ± 1.30 , II группа – 3.18 ± 1.92).

Для испытуемых, подвергшихся воздействию ионизирующего излучения, характерна близкая к нормативной продуктивность воспроизведения жизненных образов, высокий вес жизненных событий с приоритетом значимых событий, связанных с биологическими, личностно-психологическими и социальными изменениями. В частности: здоровье, работа, повышение квалификации, межличностные отношения, дети и т.д. Доминирование ретроспективных событий, “радостно” и “грустно” эмоционально окрашенных. “Уход” в прошлое с акцентом на радостных событиях свидетельствует о наличии психологической защиты, что характерно для лиц с соматическими патологиями [3]. Следует отметить, что высокая значимость событий биологического типа также преобладает у больных с различными нозологическими формами.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что независимо от группы, у всех испытуемых наблюдается сужение психологического времени, доминирование ретроспективных событий с акцентом на радостных переживаниях, страх перед будущим. При этом в контрольной группе более выражено снижение общей продуктивности, а у лиц, подвергшихся воздействию ионизирующего излучения имеет место повышенная многозначность событий.

В данном исследовании получены дополнительные психодиагностические данные, позволяющие на основе особенностей субъективного восприятия человеком его жизненного пути, объективизировать наличие состояния соматического здоровья.

Данное исследование проводилось при поддержке Международного образовательного фонда (Individual Research Support Scheme Grant RSS N615/1998).

Литература:

1. Коган Л.Н. Человек и его судьба. — М: Мысль, 1988.-284с.
2. Коржова Е.Ю. Особенности восприятия жизненного пути личности // Психологическая наука: проблемы и перспективы: Тез. Всесоюзной конф.- Ч.П. — Киев, 1990.- С.70-71.
3. Коржова Е.Ю. Методика “Психологическая автобиография” в психодиагностике жизненных ситуаций: Методическое пособие.- К.: МАУП, 1994.- 109с.

М.Ю. Лотоцкая

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДИКИ “ПРОПУЩЕННЫЕ СЛОВА” ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СПЕЦИФИКИ НАРУШЕНИЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ ПРИ ШИЗОФРЕНИИ

Дано описання методики “Пропущені слова”. Результати засвідчили, що хворі шизорфенією можуть розуміти семантичні відтінки слів, але здібність оперувати даними словами порушена.

Раскрытие своеобразия патологии эмоциональной сферы при шизофрении может иметь и теоретическое, и практическое значение.

Проведенные нами предварительные исследования показали, что даже больные с выраженным дефектом способны в некоторых случаях правильно распознавать эмоциональную окраску близких понятий (например, “улыбка-ухмылка” и др.).

Для изучения критичности больных шизофренией и их умения оперировать семантически близкими понятиями был разработан модифицированный вариант методики “Пропущенные слова”.

Каждому испытуемому предъявлялось 9 предложений, в каждом из которых было пропущено слово, а в скобках давался список слов для выбора, 3 предложения имели нейтральную эмоциональную окраску, 3 положительную и 3 отрицательную.

Отличительной особенностью слов, из которых надо было выбрать наиболее подходящее, являлась их семантическая близость.

Например, испытуемому предъявлялось следующее предложение с нейтральной эмоциональной окраской:

“Мой отпуск заканчивался уже через 7 ...(секунд, минут, часов, дней, недель, месяцев)”.

Правильный ответ — “дней”.

Методика имела 2 сходных варианта набора предложений. Половине испытуемых предлагался I — вариант, половине — II.

Во II варианте предложение № 1 звучало следующим образом:

“Внимание! Поезд отправляется через 5 ...(секунд, минут, часов, дней, недель, месяцев),” — объявил диспетчер.

Верный ответ — “минут”.

В случае эмоционально-окрашенных предложений выбор пропущенного слова производился из списка слов, имеющих одинаковую предметную отнесенность, но различную эмоционально-смысловую окраску, например:

“После ...(прогула, прогулки) по весеннему лесу на душе становится легко и весело”.

Во — II варианте:

“Он был хорошим работником, а после ...(прогула, прогулки) окончательно потерял уважение своего начальника”.

Если испытуемый ошибался, то выяснялось, понимает ли он смысловую разницу между словами.

Апробация методики проводилась на контрольной группе, которую составили 60 психически здоровых лиц (30 мужчин и 30 женщин), и на больных параноидной формой шизофрении.

Все больные были разделены на две группы.

I группу составили 64 человека (31 мужчина и 33 женщины), впервые поступившие в психиатрическую больницу №15 г. Харькова. Давность заболевания в этой группе была до 1,5 года.

II группу составили 34 человека (17 мужчин и 17 женщин) с давностью заболевания от 2-х до 5 лет. В результате шизофренического процесса данные больные стали утрачивать трудоспособность, поэтому возник вопрос об их инвалидизации.

Группы были уравнены по возрасту и образованию.

Результаты показали, что 86,7% здоровых испытуемых, как мужчин, так и женщин, отвечали без ошибок; по 1 ошибке сделало 13,3% испытуемых контрольной группы. Среднее арифметическое ошибок по группе составило $\bar{X}_{ср.} = 0,13$.

Количество ошибок у I группы больных шизофренией возросло ($\bar{X}_{ср.} = 0,76$ у женщин; $\bar{X}_{ср.} = 0,52$ у мужчин). Теперь только 54,5% женщин и 64,5% мужчин ответили безошибочно; у 45,5% женщин и у 35,5% мужчин имелось от 1 до 4 ошибок.

Надо сказать, что увеличение числа ошибок у больных I группы по сравнению с контрольной было больше выражено у женщин (различия значимы по точному методу Фишера $p = 0,011$), чем у мужчин ($p = 0,08$ — на уровне тенденции).

У больных шизофренией II группы наблюдался дальнейший рост количества ошибок ($\bar{X}_{ср.} = 1,12$ у женщин; $\bar{X}_{ср.} = 1,06$ у мужчин). Лишь 35,3% женщин и 41,2% мужчин ответили верно; от 1 до 4 ошибок отмечалось у 64,7% женщин и у 58,8% мужчин.

Но хотя женщины II группы по сравнению с I группой отвечали неправильно чаще, все же значимых различий между этими группами выявлено не было ($p = 0,32$ по ТМФ).

Возрастание числа ошибок у мужчин II группы по сравнению с I группой отмечалось на уровне тенденции ($p = 0,2$ по ТМФ).

Проведение корреляционного анализа показало, что существует положительная линейная связь высокого уровня значимости между количеством ошибок и степенью дефекта, вызванного шизофреническим процессом (коэффициент ранговой корреляции Спирмена = $0,3973$, $p = 0,00031$ у мужчин; $= 0,4320$, $p = 0,000063$ у женщин).

Надо заметить, что данная методика выявила разную динамику роста числа неправильных ответов у лиц женского и мужского пола.

У женщин на начальной стадии болезни количество неверных решений резко увеличивалось, а затем по мере нарастания шизофренического дефекта возрастало незначительно.

У мужчин на начальном этапе болезни число ошибок увеличивалось по сравнению с контрольной группой на уровне выраженной тенденции, различия между мужчинами I и II групп тоже отмечалось на уровне тенденции.

Следует сказать, что распределение ошибок в предложениях разного типа (нейтральных, положительных, отрицательных) неравномерно. Преобладают ошибки в отрицательно окрашенных предложениях, нежели в нейтральных и положительных. Преобладание статистически значимо ($p < 0,01$ у женщин I группы, $p = 0,05$ у мужчин I группы; $p < 0,01$ и у женщин, и у мужчин II группы по t критерию).

Иными словами, испытуемые "не замечали" чаще отрицательную окраску предложений. Например, в предложении "Вы совершили серьезный ... (проступок, поступок), и за это будете наказаны" больная вставила слово "поступок" и объяснила следующим образом: "Серьезный — это что-то хорошее. Серьезный человек совершает хорошие поступки."

Здесь можно видеть нарушение критичности и целостности смыслового восприятия предложения. Больная выделила 1 слово ("серьезный") и на основании этого построила свое рассуждение, проигнорировав контекст целого высказывания.

Важно отметить, что смысловую разницу между словами "поступок" и "проступок" больная понимала правильно.

Такая же картина наблюдалась и у других больных: они верно отмечали смысловые различия между понятиями, их эмоционально-смысловые оттенки (встретился только 1 случай недопонимания смысловой разницы), но ошибочно вставляли слова в данные предложения.

Таким образом, методика "Пропущенные слова" помогла выявить нарушение критичности, а также нарушение оперирования понятиями с разными смысловыми оттенками при относительной сохранности потенциальной способности больных правильно распознавать эти семантические нюансы.

Литература:

1. Блейхер В.М., Крук И.В. Патопсихологическая диагностика. — К.: Здоров'я, 1986. — 280 с.
2. Депрессивные расстройства /И.И.Крутько, В.А.Стефановский, В.И.Букреев, Л.Ф.Шестопалова. — К.: Здоров'я, 1992. — С. 58 — 103.
3. Критская В.П., Мелешко Т.К., Поляков Ю.Ф. Патология психической деятельности при шизофрении: мотивация, общение, познание. — М.: МГУ, 1991. — 256 с.

Лукашенко И.Н., Диденко Б.В.

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕРЕСА УЧАЩИХСЯ К ПРЕДМЕТУ

Досліджується проблема відношення учнів до професійної підготовки викладача, а також вплив статі та віку викладача на відношення до вивчаємого предмету. Отримані результати показують суттєву зміну динаміки вимог до професійної підготовки викладача. Підтвердилась гіпотеза про те, що позитивне відношення та інтерес учнів до викладача сприяє формуванню інтересу до предмету.

Чтобы процесс обучения был результативным, необходимо наличие многих факторов и условий, в том числе и двусторонняя деятельность и заинтересованность обучающего и обучающегося. Их взаимосвязь представляет собой не только контакт двух интеллектов, а также, что очень существенно, контакт двух личностей. Ответственность за успешность общения на межличностном уровне лежит на преподавателе. Он должен обладать не только высокими показателями личностных характеристик, но также хорошими знаниями психологии наряду с профессиональными знаниями.

Многие исследователи отмечают, что создание ситуации успеха в обучении, то есть наличие положительных результатов, невозможно без знания психологии [1, 3]. В профессиональной подготовке будущих преподавателей на приобретение таких знаний должен делаться такой же акцент, как и на приобретение знаний по преподаваемому предмету и методике. При обучении будущих преподавателей особое внимание должно уделяться особенностям психологии лич-

ности и деятельности преподавателя, а также особенностям личности и деятельности учащегося.

Для исследования проблемы отношения учащихся к профессиональной подготовке преподавателя нами проводился опрос, в котором принимали участие 52 человека. Испытуемые были разделены на две группы по возрастному критерию. В первую группу вошли выпускники средней школы ("17 лет), вторую группу составили испытуемые в возрасте 22-25 лет.

Экспериментально подтвердилась гипотеза о быстрой эволюции требований, предъявляемых учащимися к профессиональной подготовке преподавателей. Если для испытуемых в возрасте 22-25 лет большее значение имели не знания преподавателя, а степень контроля им успеваемости (38% и 62% соответственно), то для учащихся в возрасте 17 лет главным критерием оценки преподавателя являются его профессиональные знания и общая эрудиция (83% случаев).

Высококвалифицированный преподаватель должен не только обладать хорошими знаниями, но также умением передать эти знания учащимся. Многие исследователи доказали, что для успешности овладения учащимися изучаемым предметом, необходим их интерес не только к преподаваемой дисциплине, но также и к личности самого преподавателя.

В связи с этим возникает ряд вопросов о личностных характеристиках преподавателя. Например, имеет ли возраст и пол преподавателя влияние на отношение учащихся к предмету.

По мнению известного французского ученого Мариза Леску [2], возраст преподавателя непосредственно связан не только с заинтересованностью предметом, но и с успешностью и эффективностью обучения. Ученый отмечает необходимость тесной взаимосвязи теории и практики, опыта преподавания и научного подхода к процессу обучения. В настоящее время разрыв между теорией и практикой становится всё более ощутимым. В теоретических исследованиях мало используются достижения и результаты, полученные многолетней практикой. С другой стороны преподаватели-практики считают, что только наработанный опыт может помочь в создании необходимых условий для достижения положительных результатов обучения, и его нельзя заменить новейшими научными исследованиями и идеями.

Таким образом, по мнению Леску, теория и практика развиваются самостоятельно, как две смежные науки, и их взаимосвязь не является достаточно тесной. Решение этой проблемы ученый видит в работе перспективных молодых преподавателей, которые на практике в равной степени используют новые научные идеи (демокра-

тичность их выбора определяется только что полученным образованием) и опыт, накопленный их старшими коллегами. Проводимые ученым исследования доказали, что такие преподаватели добивались успеха там, где многие теоретики и практики претерпевали неудачу.

В нашем исследовании мы попытались выяснить влияние пола и возраста преподавателя на отношение к предмету. В опросе приняли участие 40 преподавателей и 56 студентов. Были выдвинуты следующие гипотезы: преподаватель с разносторонними знаниями и широкой общей эрудицией быстрее заинтересует учащихся своим предметом, нежели преподаватель с глубокими доскональными знаниями, но только преподаваемого предмета; возраст преподавателя не играет роли в достижении положительных результатов обучения; пол преподавателя не влияет на интерес к предмету.

Результаты исследования показали, что студенты отдают предпочтение преподавателю с широкой общей эрудицией (97%). Гипотеза о том, что возраст не играет роли, экспериментально подтвердилась с некоторым предпочтением молодому специалисту (30%) при прочих равных условиях. Пол преподавателя положительно влияет на интерес к предмету при условии, что преподаватель противоположного пола.

Таким образом, доказано, что личностные характеристики преподавателя играют большую роль в формировании интереса к предмету. Подтвердилось предположение о том, что положительное отношение и интерес учащихся к преподавателю способствуют формированию интереса к предмету.

Список использованной литературы:

1. И.А.Зимняя "Психология обучения иностранным языкам в школе". М., "Просвещение", 1991, стр. 33-45.
2. Marise Lescout "Quand le formateur confond hypothèses et postulats" // Cahiers Pedagogiques №330, 1995, p. 55-59.
3. Jeanne Moll "A la rencontre de professeurs en proie a bien des doutes" // Cahiers Pedagogiques №342-343, 1996, p. 19-20.

И.П. Лысенко

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОРРЕКЦИЯ СИНДРОМА ПСИХИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ У БОЛЬНЫХ НАРКОМАНИЕЙ И АЛКОГОЛИЗМОМ УКРАИНСКИЙ НИИ СОЦИАЛЬНОЙ И СУДЕБНОЙ ПСИХИАТРИИ

Представлена програма психокорекційних впливів на різні підструктури особистості, що підтримують синдром

психічної залежності. Дезактуалізація мотиваційного компоненту психічної залежності здійснюється через підвищення особистісної цінності мотивів утримання від зловживання; інтелектуального компоненту зловживання – через аналіз особистісних втрат у всіх сферах життя, що їх зазнав пацієнт у зв'язку зі зловживанням; емоційного – з допомогою навчання пацієнтів способам конструктивного виразу емоцій та вмінням діставати позитивні емоції від своїх реальних досягнень.

Синдром психической зависимости появляется на 1 стадии алкоголизма и наркомании и сохраняется на протяжении 2 и 3 стадий, трансформируясь в динамике заболевания. Будучи одним из первых признаков болезни, психическая зависимость является наиболее трудно устранимым синдромом. Как отмечает И. Н. Пятницкая [1], во многих случаях психическое влечение оказывается единственной причиной безуспешности усилий врача и самого больного, причиной рецидива заболевания.

Анализ психотерапевтической и психокоррекционной работы, осуществляемой с больными наркоманией и алкоголизмом свидетельствует об отсутствии целенаправленных воздействий именно на этот патологический симптомокомплекс. В большинстве случаев психологические воздействия остаются безадресными (так часто можно слышать от психотерапевтов, психологов, что они влияют на целостную личность). Отсутствие четкой направленности психокоррекционных влияний связано, прежде всего, с структурной неопределенностью данного патопсихологического симптомокомплекса. Так, несмотря на свой значительный удельный вес в структуре заболевания, синдром психической зависимости практически не был предметом исследования психологов.

Нами было проведено изучение синдрома психической зависимости в динамике. Проведенное исследование дало основания считать, что на ранних стадиях заболевания сутью синдрома психической зависимости есть установка на получение отдельных ожидаемых психологических эффектов опьянения: уменьшение эмоционального напряжения, повышение настроения, достижение состояния эмоционального комфорта.

Другой его составной частью есть мотив злоупотребления, отражающий потребностное напряжение, возникающее в отсутствии наркотического вещества в организме.

При постоянном употреблении наркотических веществ или алкоголя, химическое вещество, к которому возникает пристрастие, воз-

действует на биологические подструктуры; внедряется в обмен веществ; изменяет течение психических процессов; вызывает приятные ощущения, которые объективно далеко не всегда связаны с положительными для организма изменениями, а, в некоторых случаях, являются для него катастрофическими.

Поскольку выработанные в процессе эволюции формы отражения свидетельствуют, что приятные ощущения и переживания являются следствием благоприятных для индивида воздействий, а неприятные ощущения — это отражение объективного вреда, то присутствие химического вещества в организме и те эмоциональные переживания, которые с ним связаны, очень скоро начинают оцениваться как полезные, а отсутствие химического вещества в организме и, связанный с этим эмоциональный дискомфорт — вредным. Извращенная эмоциональная оценка дезорганизует мышление. Приводит к формированию такой его характеристики как “мышление по желанию”, которое эмоционально зависимо и перестает отражать объективные свойства действительности. Факторы внешней ситуации больной начинает оценивать только с точки зрения того, насколько они препятствуют или содействуют наркотизации.

Появление нового ведущего мотива, обслуживающего потребность в наркотическом веществе, неизбежно сказывается на всей предшествующей системе мотивов, ведет к ее перестройке. Ранее значимые мотивы утрачивают свою ценность, а мотив наркотизации, поднимаясь по иерархической лестнице занимает центральное место в мотивационной сфере больного.

С утяжелением заболевания на его поздних стадиях присоединяется рациональный компонент, оправдывающий необходимость постоянной интоксикации. При этом в динамике заболевания отмечается также “закрепление” данных состояний в определенные свойства личности. С усилением потребности в наркотическом веществе система мотивов, обеспечивающая наркотизацию, становится доминирующей. Направленность личности приобретает специфический “алкогольный”, “наркоманический” характер, а эмоциональные состояния больного вне интоксикации становятся исключительно негативным. Как реакция на данные состояния появляется система суждений, умозаключений, убеждений, оправдывающая злоупотребление. Таким образом, уже на 2 стадии алкоголизма, наркоманий синдром психической зависимости становится структурным образованием личности больного. Отсюда его дезактуализация возможна только при разрушении патологических подструктур, которыми он под-
держивается.

Ряд исследований, проведенных нами показали, что с полным основанием можно выделить три основных компонента синдрома психической зависимости: эмоциональный, рациональный, мотивационный. Отсюда целенаправленные воздействия на эти патологические компоненты могут привести к разрушению синдрома психической зависимости.

Нами была проведена психокоррекционная работа с больными на опийную наркоманию и алкоголизм (21 занятие в психокоррекционной группе и 3 индивидуальные консультации). Работа осуществлялась в двух психокоррекционных группах по разработанной нами специальной программе, которая включала следующие задачи.

1. Через анализ и осознание жизненных потерь, связанных со злоупотреблением, разрушение патологического способа мышления ("мышления по желанию")
2. Построение системы жизненных ценностей, в центре которой находятся мотивы трезвости и самосовершенствования.
3. Влияние на различные компоненты синдрома психической зависимости (мотивационный, интеллектуальный, эмоциональный) через более высоко организованные подструктуры личности (систему доминирующих мотивов, в основе которой лежит установка на жизнь без химического вещества).
4. Осознание влияния болезни на внутрисемейные отношения
5. Научение больного распознаванию надвигающегося рецидива болезни и умению его предотвратить.

Осознание пациентом связи между злоупотреблением наркотиками и алкоголем и своими собственными потерями (проблемы со здоровьем, семьей, друзьями, потеря энтузиазма, финансовые проблемы, правовые проблемы); анализ своего состояния здоровья и самочувствия давали возможность пациентам самостоятельно определить основные симптомы и стадию болезни, на которой они находились. Следствием такой работы был следующий вывод: наркомания, алкоголизм – это болезни смертельные, прогрессирующие, рецидивирующие, однако их можно остановить, прекратив злоупотребление. Злоупотребление алкоголем и наркотиками имеет негативные последствия во всех сферах жизни. Больной наркоманией, алкоголизмом никогда не сможет принимать алкоголь и наркотики контролируемо. Прекращение употребления алкоголя или наркотиков есть первым шагом к выздоровлению.

Следствием такой работы было разрушение системы иллюзий больного относительно положительного воздействия наркотического вещества на его жизнь, повышение мотивации к лечению, понима-

ние необходимости прикладывать свои собственные усилия для выздоровления.

Следующим направлением была работа над “принятием” и “капитуляцией”. В процессе её больные познакомились со способом, которым можно решить проблему злоупотребления и приобрести уверенность в себе. Больные узнавали, что каждый человек имеет определенные ограничения, осознание которых дает возможность найти эффективные пути для достижения целей, обходя опасные ситуации. Практически работа по этому направлению соответствовала первому, второму и третьему шагу Программы “12 Шагов”.

После завершения работы над темой “принятия” и “капитуляция” начиналась работа над темой “моральная самооценка”. Работа осуществлялась следующим образом: 1) поиск личностных ограничений (негативных свойств характера, неадекватных способов реагирования), которые обуславливают жизненные неудачи; 2) признание природы своих ошибок перед определенным человеком, которому пациент доверяет.

Проведение моральной самооценки сопровождалось катарсисом и давало возможность пациенту избавиться от чувства вины, что позитивно сказалось на его поведении и эмоциональном состоянии. Так пациенты отмечали, что ощущают большое облегчение. Кроме того, большой неожиданностью для больного было снижение тяги к наркотическому веществу, алкоголя: “я очень удивлен тем, что меня не тянет к наркотикам”.

Тема “семейные и социальные проблемы” прорабатывалась в ролевой игре, в процессе которой пациенты отыгрывали роли всех членов семьи и определяли чувства, которые могут испытывать их родные в связи с их злоупотреблением. Следствием такой работы был вывод о том, что в семье, где есть человек, употребляющий алкоголь или наркотики, все члены семьи живут в состоянии постоянного страха, тревоги, напряжения, ожидания опасности.

Работа по профилактике рецидивов начиналась с микролекции, в которой больному объяснялось следующее: 1) если больной начинает выздоравливать, то для него важно заменить болезненные привычки, отказаться от тех людей, вещей, ситуаций, привычек, которые представляют для него опасность в плане возобновления злоупотребления; 2) отказ от старых привычек сработает только тогда, когда больной начнет приобретать новые, более конструктивные навыки поведения; 3) рецидив болезни не возникает внезапно, а имеет определенную предисторию, умение распознавать предупреждающие сигналы может предотвратить рецидив заболевания.

В процессе групповой работы больные определяли свои собственные "опасные места, вещи, ситуации, привычки", учились находить собственные предупреждающие сигналы рецидива заболевания и способы их устранения.

В конце работы над данной темой испытуемые составляли карту самопомощи и определяли свой конкретный план действий в случае надвигающегося рецидива. После проведенного цикла занятий у больных отмечались следующие изменения: 1) в значительной степени была разрушена система патологических мотивов, которая поддерживала злоупотребление; 2) сформирована мотивация к воздержанию от употребления наркотических веществ и алкоголя; 3) в процессе осознания вреда, который привнесли в жизнь больного алкоголь или наркотики, создана система убеждений относительно вредности злоупотребления и необходимости изменения способа жизни, принятия способа жизни без алкоголя и наркотиков; 4) больными приобретены определенные навыки саморегуляции и улучшения своего эмоционального состояния без помощи наркотиков; 5) отработаны собственные способы профилактики рецидивов.

Как следствие этих преобразований, у больных отмечалась стабилизация эмоционального состояния, уменьшение психической тяги к химическому веществу, доминирование конструктивных форм поведения.

Таким образом, воздействие на мотивационный компонент психической зависимости осуществлялось через изменение личностной направленности, придание мотивам воздержания доминирующей роли. Дезактуализация интеллектуального компонента психической зависимости достигалась с помощью анализа всех жизненных потерь, которые познал испытуемый в связи со злоупотреблением.

Эмоциональный компонент психической зависимости преодолелся с помощью научения больных конструктивным способам выражения эмоций.

Список литературы:

1. Пятницкая И.Н. Наркомании: Руководство для врачей. — М.: Медицина, 1994. — 544с.
2. Alcoholics Anonymous. — N.-Y.: Alcoholics Anonymous World Services, 1989. — 184p.
3. Barnes G.E. J. Behavioral approaches for problems with alcohol // Guart J. Stud. Alcohol. — 1985. — Vol.85, N 5. — P.711-722.
4. Goldman M.S. Cognitive Impairment in Chronic Alcoholics: Some Cause for Optimism // Am Psychologist. — 1983. — Vol.38. — P.1045-1054.

ПРОБЛЕМА ЗДІБНОСТЕЙ ТА ОБДАРОВАНОСТІ У ВІТЧИЗНЯНИЙ ТА ЗАРУБІЖНІЙ ПСИХОЛОГІЇ

В статье приведены теоретические и практические аспекты проблемы способностей и одаренности в отечественной и зарубежной психологии.

Сьогодні питання про раннє виявлення, навчання і виховання обдарованих і талановитих дітей, учнів, студентів є досить актуальним. Вітчизняними і зарубіжними психологами проведено ряд фундаментальних досліджень, які висвітлюють теоретичні і практичні аспекти з проблеми психологічної підготовки студентів до виховання здібних учнів.

Вперше в науці поняття “здібності” ввів Платон (428-348 рр. до н.е.), який стверджував, що люди повинні займати місце в суспільстві у відповідності з своїми природними задатками. Учень Платона, Арістотель, продовжуючи лінію свого вчителя про значення здібностей, підкреслював роль уяви у її формуванні. Під здібністю він розумів спонукальну властивість душі, яка залежить від типу мислення. В свою чергу мислення може бути розмірковуючим або логічним та інтуїтивним. Найвищий тип, за Арістотелем, – це мудрість.

Щодо розуміння природи здібностей, вже в перших психологічних та філософських роботах намітились дві лінії: вони є або вродженими, або їх розвиток залежить від умов виховання. Представником теорії надбаних здібностей є англійський філософ Т.Гоббс, який доводить, що, хоча фізичні відмінності між людьми і існують, але вони не настільки значущі, щоб надавати вирішальну перевагу одній людині перед іншою. Відмінності між людьми по відношенню до розуму складаються в процесі життя або в неорганізованій життєвій практиці без будь-якого методу і культури навчання (“природний розум” за термінологією Т. Гоббса), або формуються шляхом систематичного навчання наукам (за Т. Гоббсом це “набутий розум”). Також, критикуючи теорію вроджених ідей Платона, англійський філософ-просвітник Дж.Локк писав, що знання, широку діяльність і безмежну уяву людина одержує з досвіду.

Проблема обдарованості в кінці ХІХ століття стала предметом наукового дослідження англійського антрополога Ф.Гальтона. В роботі “Спадковість таланта, її закони і наслідки”, статистично обробивши великий біографічний матеріал, автор стверджує, що висока даровитість визначається ступенем і характером родинності. Вирішальну роль він надавав спадковості, а вплив зовнішніх умов, виховання є незначним. Під “природною даровитістю” Гальтон розумів

такі якості розуму і характеру, що дають людині можливість здійснювати дії, які ведуть до високої репутації. При цьому здібність повинна бути поєднана з енергією, витриманістю в праці, здатністю людини здійснювати складну роботу протягом тривалого часу. Ф.Гальтон вважав, що і цих якостей ще не досить: потрібно, щоб людина, яка не має підтримки з боку інших, могла при наявності внутрішнього стимулу підніматись до вершин людської величі і могла досягти цієї вершини, долаючи перешкоди, які заважають вільному прояву її діяльних прагнень.

На початку ХХ століття проблема обдарованості стає предметом наукових пошуків психологів. Але існували певні розбіжності у визначенні поняття загальної обдарованості, що значно гальмувало розвиток досліджень.

Так, психолог Е.Мейман зводить обдарованість до єдиної центральної здібності, властивість якої — творче відношення індивіда до навколишнього середовища. Аншютц вбачає суть обдарованості у здатності людини відшукувати і встановлювати співвідношення. В протилежність цим авторам, В.Екземплярський розглядає обдарованість як загальний психічний розвиток людини, незалежно від її якісної своєрідності.

Протилежної точки зору дотримувався Е.Клапаред, який вважав, що загальна обдарованість — це здібність людини вирішувати за допомогою мислення нові проблеми. В його розумінні обдарованість є такою якістю людини, яка дає їй можливість пристосуватись до діяльності в складних умовах, в силу чого прояви обдарованості включають такі три характерні процеси: постановка проблеми, спроба вирішити цю проблему та перевірка прийнятого рішення.

Німецький психолог В.Штерн розглядає обдарованість як єдину загальну обдарованість, особливість якої — пристосування індивіда до нових умов середовища. Тобто, це здатність людини адаптовуватись до нових умов життя. Ця ознака пристосування є найбільш суттєвою для поняття “обдарованості”. Зрозуміло, підкреслює Штерн, що цілий ряд таких інтелектуальних якостей, як пам'ять, увага, творчість та інші, можна розглядати як прояв обдарованості за умов, що вони спрямовані на пошук вирішення нових проблем. Штерн також виділяє декілька типів обдарованості: це реактивна та спонтанна, суб'єктивна і об'єктивна, аналітична і синтетична, теоретична і практична. Зокрема, теоретична — це здатність людини до подолання труднощів, зв'язаних з рішенням задач, це вміння адаптовуватись до нових умов. Під практичною розуміється орієнтування в практичних життєвих ситуаціях і пристосування до нових обставин в практичній діяльності.

На початку ХХ століття відомий українських психіатр і психолог професор І.А.Сікорський досліджував психофізіологічні особливості талановитих і видатних людей свого часу (вчених, артистів, художників тощо). Було встановлено, зокрема, що в обдарованих людей пульс відрізняється особливою чіткістю, а дихання має свої особливості; емоції та мімічні реакції характеризуються яскравістю, силою переживань, стійкістю та своєрідністю. Обдаровані люди, на його думку, відрізняються душевною та моральною досконалістю, їм характерна ретельність, чіткість і витонченість при виконанні будь-якої фізичної або інтелектуальної роботи.

Проблема здібностей і обдарованості знайшла свій розвиток в працях С.Л.Рубінштейна, Б.М. Теплова, Н.С.Лейтеса та інших. Було висунуто важливе положення про спіралеподібний розвиток здібностей. “Розвиток здібностей,- пише С.Л.Рубінштейн, - здійснюється за спіраллю: реалізація можливості, яка представляє здібності одного рівня відкриває нові можливості для подальшого розвитку, для розвитку здібностей більш високого рівня.”

Під загальною обдарованістю Рубінштейн розуміє рівень загальних здібностей, які виявляються як здібність до навчання, а під спеціальною обдарованістю – рівень спеціальних здібностей: технічних, музичних, тощо. Особливо високий рівень обдарованості визначається поняттями “талант” і “геній”.

Суттєвий вклад у розвиток досліджень проблеми здібностей зробив Б.М.Теплов. він назвав три ознаки, яке містить у собі поняття “здібності”. По-перше, під здібностями слід розуміти індивідуально-психологічні особливості, які відрізняють одну людину від іншої. По-друге, здібності – це такі індивідуальні особливості, які мають відношення до успішного виконання однієї або декількох видів діяльності. По-третє, лише наявністю у людини здібностей можна пояснити легкість і швидкість набуття знань і навичок. Під поняттям обдарованість Теплов розуміє якісно своєрідне поєднання здібностей, від якого залежить успіх у виконанні тієї чи іншої діяльності.

Вивчаючи здібності, А.Г.Ковальов, В.Н. Мясіщев, В.А.Крутецький виходять з розуміння здібностей як “ансамблю властивостей”, який необхідний для успішного здійснення визначеної діяльності, включаючи особливості мислення та емоційно-вольової сфери. Вказаний “ансамбль” розглядається ними як єдність набутих людиною знань, навичок та особливостей нервової системи.

Вагомим внеском у вивченні проблеми обдарованості є дослідження Н.С.Лейтеса. Автор вважає, що ознакою обдарованості є якості розуму, які істотно залежать від вольових та емоційних особливостей

індивіда, і в поєднанні з ними створюють таку індивідуальну своєрідність, яка відрізняє одну людину від іншої. Автор вводить термін “вікові фактори обдарованості”. Це перш за все такі загальні властивості, як схильність до засвоєння матеріалу (у молодших школярів), висока активність і широта нахилів (у школярів середніх класів), схильність і здібність до свідомого саморегулювання (у старших школярів). Лейтес вважає, що значною мірою обдарованість (загальна і спеціальна) залежить від особливостей нервової системи, з одного боку, і від здатності людини до саморегуляції, з другого боку. Відповідно, автор розглядає “художні і мислительні” типи обдарованості. Так, для дітей художнього типу характерна яскравість сприйняття, багатство уяви, образна пам’ять тощо. Діти мислительного типу відрізняються схильністю до абстрактного мислення, пізнання світу словесно-логічним шляхом.

Аналізуючи поняття творчої обдарованості, дослідники розглядають проблему про зв’язок обдарованості з інтелектом. Зокрема, Гілфорд розробив концепцію структури інтелекту. Його модель структури інтелекту виходить з наявності ста двадцяти мислительних здібностей. Модель містить п’ятнадцять факторів: п’ять операцій (пізнання, пам’ять, дивергентне продуктивне мислення, конвергентне продуктивне мислення і оцінювання), чотири види змісту (фігурний, символічний, семантичний, поведінковий) і п’ять типів продуктів мислительної діяльності (одиноці, класи, системи, відношення, трансформації, імплікації).

За теорією Гілфорда творчо обдарованим людям властиве розвинуте дивергентне мислення. На відміну від людей, які мислять ординарно і стандартно, творчо обдаровані люди при вирішенні проблеми шукають якомога більше варіантів і з усіх можливих напрямків розгляду проблеми знаходять найбільш раціональний. Вони здатні утворювати нові комбінації з елементів, які більшість людей звикли сприймати лише в звичному поєднанні, і утворюють зв’язки між такими елементами, які на перший погляд не мають нічого спільного. Творче мислення пластичне, тому творчі люди пропонують багато рішень тієї чи іншої проблеми, виявляючи гнучкість мислення. Творче мислення характеризується так званою “біжучістю”: для творчо обдарованої людини не існує труднощів переходу від одного аспекту проблеми до іншого. Гнучкість, на думку цього автора, є також важливою ознакою дивергентного мислення. Гілфорд виділяє три види гнучкості мислення: це гнучкість по відношенню до класів і переходу від класу до класу, гнучкість до перетворення мислительних задумів у конкретну практичну діяльність, і, нарешті, гнучкість до перетворень у відношенні до конвергентного мислення.

Гілфорд вказує на величезну складність творчого мислення, особливо його процесуальної сторони, і виділяє такі фази розв'язання проблем:

- ♦ відчуття труднощів;
- ♦ виділення і визначення труднощів;
- ♦ висунення ідей можливого розв'язання проблеми;
- ♦ розгляд наслідків рішення;
- ♦ визнання правильності розв'язання.

Класичну модель, послідовних кроків, які спираються на творче мислення, запропонував Г.Вейлес, а саме:

- 1) збирання інформації, необхідної для розв'язання завдання;
- 2) інкубація (неусвідомлена праця думок);
- 3) осяяння або виникнення "заінспірованого" розв'язання;
- 4) перевірка достовірності.

У творчому мисленні величезну роль відіграє мотивація. За даними багатьох авторів, підвищенню мотивації до творчої діяльності сприяє пристрасть до інтелектуальної діяльності, інтерес до пізнання. Мотивація в творчій діяльності виникає як прагнення людини якнайкраще використати свої перцептивні пізнавальні і експресивні можливості (S. Gollan, 1962).

Важливе значення у творчому мисленні надається інкубації. Це той процес, який потрібен для того, щоб людина підсвідомо засвоїла і переробила інформацію, її своєрідно опрацювала. Ще одним аспектом творчого мислення є момент "осяяння", інтуїтивний стрибок, коли людина, інколи зовсім випадково, приходить до рішення проблеми.

Творча обдарованість базується на сукупності якостей особистості. Так, відомий американський психолог Дж.Рензуллі відмічає риси особистості і ті фактори оточення, які сприяють розвитку таланту: самосвідомість, сміливість, самостійність, інтуїція, потреба в успіхах, віра в свої сили, енергію, інтерес. До факторів оточення, що сприяють розвитку творчо обдарованої особистості, автор відносить: стан сім'ї, освіту батьків, стимулювання батьками дитячих інтересів, взаємини в родині.

Якщо Рензуллі спрямував свої дослідження на виявлення факторів оточення, що сприяють розвиткові обдарованості дітей, то американські психологи П.Торанс і Л.Хол зосередили увагу на вивчення особливостей творчо обдарованої особистості і визначили, що такими є:

- ♦ "здібність творити чудеса", вихід за рамки звичного;
- ♦ висока емпатія;
- ♦ ореол винятковості;

- ♦ здібність вирішувати конфлікти;
- ♦ наявність почуття майбутнього, яскрава і образна уява, що пов'язується з багатою фантазією та інтуїцією;
- ♦ здібність до трансцендентальної медитації (самореалізація і самовдосконалення);

Досліджуючи креативність як структурний компонент творчої обдарованості, вони виділяють особливості творчої людини: відхилення від шаблону в поведінці, оригінальність, ініціативність, самовідданість, енергійність, винахідливість, прямота суджень, чесність, безпосередність, незалежність, внутрішня зрілість, критичність, сміливість, мужність, впевненість при невизначеності і хаосі, підкресленні свого "Я", висока самооцінка, гордість.

Отже фундаментальне дослідження з проблеми обдарованості пов'язані з вивченням походження здібностей, з вивченням творчої діяльності шляхом розв'язання різних творчих проблем (I. Gilford, R. Torrance, В.О.Моляко та інші), ставиться питання про готовність до виховання здібних учнів (Ф.Н. Гоноболін, Л.В. Кондрашова, Н.В. Кузьмин та інші), проводяться дослідження питань діагностики і розвитку творчо обдарованих дітей (О.М. Матюшкін, В.С.Юркевич, М.О.Холодна та інші). Проте, більшість з цих робіт носить теоретичну спрямованість, а сучасні школи, вузи, де готують педагогів, чекають конкретних практичних програм з відбору, навчання і розвитку обдарованих школярів. Тому ще у вузі творчо обдаровані студенти повинні набути вміння проектувати навчальний процес у відповідності з більш високими можливостями обдарованих учнів, стимулювати інтелектуальні і творчі їх здібності, консультувати батьків обдарованих дітей.

И. М. Мельник, Н. В. Жилеева

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ИМИДЖА ЧЕЛОВЕКА

У статті розглядаються загальні психологічні принципи, які повинні бути покладеними у процес конструювання іміджу людини. Запропонована ієрархична структура їх використання.

Современная имиджология [3] определяет имидж как многофакторный феномен, в основе которого, с одной стороны, заложена возможность и необходимость влияния на массовое сознание, а с другой стороны, заложена необходимость подстройки под это сознание на основании учета реальных возможностей конкретного носителя имиджа. Можно считать, что имидж это, сложившийся в массовом сознании, и имеющий характер стереотипа, эмоциональный образ

кого-либо или чего-либо. Этот образ представляет собой обращенное вовне “я” человека, так называемое публичное “я” [1].

Имидж всегда отражает социальные ожидания определенных групп людей, отсюда только адекватность его этим ожиданиям может обеспечить субъекту успех в соответствующей деятельности. Выделяют несколько возможных вариантов имиджа: функциональный, при котором рассматривают разные его типы, в зависимости от функций назначения; контекстный, т.е. зависящий от контекста его реализации; и сопоставительный, в основе которого лежит сравнение однотипных или полярных имиджей [3].

Рассматривая имидж, как образ, существующий в массовом сознании, следует учитывать что этот образ может быть или идеальным, или реальным, или оптимальным. Выбор одного из этих видов имиджа задается особенностями самого массового сознания, свойственного определенной социальной группе. При этом всякое массовое сознание всегда ориентировано не на сумму индивидуальных сознаний, а также не на экстремальное его значение, а на срединное, поэтому при разработке психологических принципов построения имиджа необходимо учитывать эту тенденцию срединного значения массового сознания.

В основу разработки имиджа должен быть положен принцип адекватности создаваемого образа ожиданиям массового сознания. Кроме того, искусственная идеализация или упрощение имиджа затрудняют процесс его восприятия и нивелируют эффект воздействия имиджа на массовое сознание. Отсюда, следующий психологический принцип построения имиджа связан с необходимостью ориентироваться на сознание оптимального образца, адекватного срединным значениям массового сознания.

В основу процесса формирования оптимального имиджа положен принцип учета имеющегося реального имиджа индивида с представлениями соответствующей социальной группы об имидже. Отсюда, главной задачей имиджмейкера является совмещение этих двух позиций.

Реализация основной функции имиджа человека, направленной на процесс воздействия на массовое сознание, всегда происходит за счет процесса восприятия человека человеком. Такое восприятие, естественно, подчиняется общим законам социальной перцепции и определяется ценностями, смысложизненными ориентациями конкретной социальной группы. Отсюда еще один принцип построения имиджа человека – разработка иерархической системы качеств, обеспечивающих эффективность процесса социальной перцепции. В этой иерархии следует выделить группу общих и группу специфических

качеств, обеспечивающих процесс воздействия индивида на определеннный социум.

Процедура воздействия имиджа запускается, с одной стороны, механизмом идентификации, т.е. отождествлением индивидом самого себя с другим человеком, а с другой стороны, механизмом персонификации, т.е. приписыванием человеку определенных свойств, в соответствии с социальными ожиданиями. Вместе с этим, и идентификация и персонификация подчиняются принципу активного приспособления личности к окружающей среде, понимаемой в широком смысле [4]. Такое приспособление человека может быть более или менее полным и зависеть как от внешних условий, так и от "природных" запасов физических и психологических сил или "степени одаренности" по Лазурскому. Процесс приспособления к окружающей среде совмещается с процессом усиления активности, в диапазоне от пассивного приспособления индивида, до активного приспособления среды к личным запросам и стремлениям. В основе этого "лежат качественные различия между отдельными человеческими индивидуумами" [2], которые связаны с преобладанием эндопсихических или экзопсихических компонентов в структуре личности.

Эндопсихика составляет ядро личности, вместе с тем она отражается в значительной степени также и в экзопсихических ее проявлениях. Ее чаще связывают с индивидуально-психологическими свойствами личностями. Они фундаментизируют внутренние характеристики формируемого имиджа. В свою очередь, экзопсихическое определяется отношением личности к внешней среде (это и природа и социум). Возникает возможность, в большей степени, развития социально-психологических качеств, что обеспечивает формирование внутренних и внешних характеристик имиджа.

Наряду с принципом соотношения эндо- и экзопсихического в структуре личности и влияния этого соотношения на процесс создания имиджа, существенную роль играет уровень развития этих явлений. Выделяют три уровня отношений между эндо- и экзопсихическим: низший, средний, высший. На низшем уровне влияние внешней среды является, безусловно преобладающим. Среда подчиняет себе слабую, разрозненную психику индивида, среда насильственно приспособливает его к своим требованиям и мало считается с эндоспособностями данного человека. В противоположность этому, люди, принадлежащие к среднему уровню сформированности эндо- и экзопсихического, обладают гораздо большей способностью приноравливаться к окружающей среде, найти в ней свое место, использовать его для своих целей. Их можно назвать поэтому приспособившимися-

ся. Несколько иные отношения возникают на высшем уровне. Особенно это ощутимо у людей, высокоодаренных в эндопсихическом плане. Они обладают данными, которые позволяют им приспособлять эту среду, но это зачастую сопровождается упорной борьбой, почти всегда односторонне направленной. В этом случае формирование имиджа, который ориентирован на определенные ожидания, задаваемые социальной группой, может наталкиваться на трудности, т.к. собственное "я" достаточно трудно трансформировать в публичное "я". Изложенное выше позволяет предположить, что средний уровень развития эндо- и экзопсихического обеспечивает наиболее эффективный процесс формирования имиджа человека, в то время, как низший и высший уровни создают некоторые дополнительные трудности и ограничения.

Таким образом, определяя логику построения имиджа человека можно выделить следующие психологические принципы:

- ◆ имидж должен отвечать принципу адекватности ожиданиям определенной социальной группы;
- ◆ массовое сознание ориентировано на принцип срединных, а не экстремальных значений;
- ◆ в основу имиджа положен принцип создания не идеального, а оптимального образа, соответствующего ожиданиям конкретной группы людей;
- ◆ имидж должен строиться по принципу совмещения индивидуальных возможностей претендента и ожиданий группы;
- ◆ в основу структуры имиджа должен быть положен принцип иерархии системы общих и специфических качеств;
- ◆ особое значение занимает принцип соотношения эндо- и экзопсихического в структуре личности;
- ◆ при создании имиджа важен принцип уровня активности субъекта в приспособлении его к окружающей среде.

Литература:

1. Дейвис Филиппа. Ваш абсолютный имидж. — М., 1998
2. Лазурский А.Ф. Классификация личностей. — в сб. "Психология индивидуальных различий. Тексты" — М., 1982
3. Почепцов А.Н. Имиджология — Киев, 1997
4. Щекин Г.В. Визуальная психодиагностика — Киев, 1995

ДЕЯКІ ОСОБЛИВОСТІ РОЗВИТКУ ПАМ'ЯТІ СТАРШИХ ШКОЛЯРІВ

В статье основное внимание уделяется специфическим особенностям процессов памяти в старшем школьном возрасте. В частности отмечается, что развитие памяти не сводится до простого увеличения объема запоминания. Появляются интеллектуальные процессы, с помощью которых процесс запоминания становится более совершенным. Особенности памяти этого возраста необходимо учитывать при работе с соответствующими детьми.

Пам'ять належить до головних пізнавальних процесів, за допомогою яких відбувається прийом, переробка та засвоєння інформації. Вона є загальною родовою якістю людини. Здатність до закарбовування впливів зовнішнього середовища є характерною для кожної людини, але суто індивідуальні риси є характерними для кожного окремого суб'єкта.

Пам'яті учня відводиться важливе місце в процесі навчання в школі. При розумінні процесу навчання як процесу "подвійного" накопичення знань та оволодіння засобами оперування ними – значення пам'яті підкреслюється в обох складових цього процесу (Н. А. Менчинська, 1966).

В науковій психологічній літературі можна знайти факти, які вказують на наявність певного співвіднесення між гарною пам'яттю та загальними успіхами в навчанні. Різні автори притримуються різних точок зору щодо цього питання: одні науковці роблять висновок про важливість власне функцій пам'яті для процесу засвоєння (С. Г. Бархатова, 1967, А. М. Ігнатенко, 1972, О. П. Гусева, 1979 та ін.); інші вважають, що сама функція пам'яті не має настільки важливого значення для навчання (Л. Іртліц, 1984 та ін.). Недоліки пам'яті, що спостерігаються в учнів з низькою спішністю, пов'язуються з недоліками мислення (Н. А. Менчинська, 1971, Л. Іртліц, 1984).

На різних етапах вивчення іноземної мови пам'ять відіграє різну роль та виконує різні функції. Так на етапі першого ознайомлення з матеріалом вона виконує функцію співставлення нового матеріалу з тим, що вивчався раніше рідною та іноземною мовою. На подальших етапах роль пам'яті ускладнюється, виконується велика кількість складних мисленнєвих дій, пов'язаних із системою мови.

Як відомо з літератури здібності поділяються на загальні та спеціальні, а іномовні здібності належить. Формування спеціальних здібностей починається ще середніх класах. В старшому шкільному віці учні вже мають досить великий досвід мовних здібностей як рідною

так і іноземною мовами, бо старший шкільний вік не є першою стадією вивчення іноземної мови.

Тому саме в цьому віці зв'ялюється можливість визначити сформованість операційних механізмів, тобто прийомів, що ними користується учень при запам'ятовуванні і диференціювати старшокласників за рівнем сформованості цих механізмів. Можна дослідити, наскільки досконалими в цьому віці є прийоми контролю запам'ятовування в різних учбових ситуаціях, як рідною так і іноземною мовами.

У відповідності до вищезазначеного необхідним здається розглянути роль пам'яті при роботі з текстовим матеріалом різними мовами, а також виділити характерні риси розвитку пам'яті в старшому шкільному віці.

Розвиток пам'яті школяра не можна вважати лише процесом поступового зростання. Як зазначав А. Р. Лурія : "В своєму розвитку пам'ять переживає драматичну історію, повну глибоких якісних перебудов та принципових змін, як її структури, так і її взаємозв'язку з іншими психічними процесами.

Дослідженнями особливостей пам'яті старших школярів займалося багато науковців. Можна визначити роботи Л. В. Занкова, А. Р. Лурія, А. А. Смирнова, П. І. Зинченко, В. А. Крутецького, В. Ю. Андреевої та ін.

Хоча початок розвитку пам'яті припадає на раннє дитинство, особливо інтенсивним він є в школі під впливом систематичного навчання та виховання. В цей час пам'ять перестає бути імпульсивною, що характерно для молодшого шкільного віку і стає смисловим. Спостерігається, як вже було зазначено вище, не лише кількісне збільшення об'єму та швидкості запам'ятовування та відтворення, але і ряд якісних змін. Значно зростає роль другої сигнальної системи, що в свою чергу впливає на збільшення ваги довільного запам'ятовування, без чого стає неможливим виконання будь-якого шкільного завдання, а особливо завдань пов'язаним з вивченням мов. Характерним є прискорення розвитку словесно-логічної пам'яті. Якщо в молодшому шкільному віці головна роль при запам'ятовуванні належить використанню наочних зв'язків та відносин предметів, то в підлітковому та старшому віці головну роль відіграють абстрактно-логічні поняття.

Збільшується використання дітьми цього віку різного типу "опор", що грають в процесах пам'яті опосередковану роль, а таким чином і запам'ятовування стає більш опосередкованим.

У зв'язку із загальним розумовим розвитком учнів підвищується і роль логічної обробки матеріалу – систематизації та узагальнення. Матеріал поділяється на окремі частини, серед яких виділяються

найважливіші, а потім встановлюються зв'язки з попереднім матеріалом. Така обробка значно полегшує запам'ятовування і одночасно дозволяє учням відтворювати матеріал не дослівно, а своїми словами. Про достатню сформованість довільного запам'ятовування можна говорити ще в підлітковому віці. Процес запам'ятовування підкоряється виконанню різних учбових завдань. В старшому шкільному віці учнями вже свідомо та цілеспрямовано використовуються смислові прийоми, які значною мірою полегшують запам'ятування.

В дослідженнях проведених А. Н. Леонтьєвим було показано, що починаючи з підліткового віку запам'ятовування перетворюється із зовні опосередкованого до внутрішньо опосередкованого.

Поряд з опосередкованістю та цілеспрямованістю процесів пам'яті в цьому віці з'являється така риса як самоконтроль. Це положення підтверджується роботами А. Р. Лурія, П. П. Булонського, Г. С. Нікіфорова та ін. Так Г. С. Нікіфоров, розглядаючи значення пам'яті в механізмах самоконтролю, а також значення самоконтролю в механізмах пам'яті, підкреслює, що самоконтроль по відношенню до саморегуляції виконує підпорядковану роль і має в своєму складі такі компоненти:

- 1) складова, що контролюється,
- 2) еталон,
- 3) операція співставлення складової, що контролюється з еталонним зразком. Автором підкреслюється, що за допомогою самоконтролю забезпечується вірність протікання мнемічних процесів.

З проблемою самоконтролю в пам'яті пов'язується таке явище як санкціоноване відтворення. Термін "санкція відтворення" був широко використаний П. П. Блонським, коли мова йшла про те, чи визнає суб'єкт свою мнемічну діяльність вірною чи помилковою.

Вченими було виділене рекогнитивне санкціонування також "рефлексуючу" санкцію пригадування, що базується на розумінні, ці явища характерні для пам'яті підлітка. В досвідах Я. В. Болешунова було доведено, що санкціонування виконує в процесах пізнання та відтворення важливу регулятивну функцію. Для старшого школяра санкція стає критерієм успішності або неуспішності мнемічної діяльності.

В. Я. Ляудіс досліджувала функції та особливості пам'яті в рамках системно-діяльнісного підходу. Нею розглядалась опосередкована пам'ять молодших підлітків (5й клас), а також розвинута форма довільного запам'ятовування у студентів. Її досліді довели, що розвиток ззовні опосередкованої пам'яті стає більш успішним, якщо спирається на формування цілісної знакової системи діяльності, а не на набір окремих дій. Вже учні старшої школи можуть користуватися цілісними виловами, що пов'язані з досвідом та переживаннями ди-

тини, сприяє різкому підвищенню рівня рефлексивності внутрішніх дій, а також сприяє розвитку такого виду пам'яті як семантична.

М. А. Холодная в своїх роботах користується терміном "довільний інтелектуальний контроль", застосовуючи його до пам'яті старших школярів. Явище інтелектуального контролю пов'язується з досвідом, що вже мають учні цієї вікової групи. Довільний інтелектуальний контроль торкається усіх сфер психічної діяльності дитини-учня, а отже і до мнемічної діяльності. Основними психологічними показниками, які вказують на наявність цього контролю є:

- ♦ здібності до планування, тобто висування цілей повної діяльності, наприклад діяльності мнемічної;
- ♦ вибір засобів досягнення цілей діяльності, наприклад вибір способів запам'ятовування;
- ♦ здібність оцінювати, визначати якість окремих етапів інтелектуальної діяльності;
- ♦ здатність довільно гальмувати або прискорювати власну інтелектуальну (мнемічну діяльність).

В результаті аналізу робіт, присвячених процесам пам'яті дітей старшого шкільного віку можна зробити певні висновки:

1. На різних етапах навчання пам'ять відіграє різну роль;
2. В цьому віці підвищується рівень складної обробки матеріалу, що вивчається;
3. Мнемічна діяльність контролюється довільним чином.
4. Відбувається перехід від зовні опосередкованого запам'ятовування до внутрішньо опосередкованого запам'ятовування;
5. Розвивається здібність до самоконтролю мнемічних процесів.
6. Інтелектуальний контроль на діяльністю стає довільним.

Таким чином здається доцільним та необхідним використання усіх вищезгаданих особливостей пам'яті дітей цього віку при навчанні у школі, щоб сприяти підвищенню успішності навчання.

В нашій майбутній науковій діяльності планується визначити місце, яке посідають мнемічні процеси при вивченні іноземної мови.

Література:

1. Возрастные и индивидуальные различия памяти /Под. ред. А. А. Смирнова М.: Просвещение, 1967
2. Занков Л. В. Память школьника. Ее психология и педагогика. - М.: Учпедгиз, 1944
3. Ляудис В. Я. Память в процессе развития. - М.: Издательство МГУ, 1976
4. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. - М-Томск, 1997

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФАКТОРНОЙ СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТИ У ПОДРОСТКОВ С АНОМАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ ЛИЧНОСТИ

У статті розглянуто гендерні особливості особистісного симптомокомплексу підлітків з аномальним розвитком особистості. Виявлено, що цей симптомокомплекс у дівчат представлено маскулініними рисами, а у хлопців – фемінініними. Ця статеворольова девіація може передиспонувати до формування патології.

Социальная дезадаптация, неуспеваемость в учебе, неприятие в семье, с одной стороны, а также индивидуально-психологические особенности реагирования личности подростка на стрессовую ситуацию, с другой, часто бывают причиной развития пограничных нервно-психических состояний. Такие состояния у одних детей и подростков вызывают невроты, у других – астении, у третьих – психопатические реакции. В целом такие состояния являются переходными от состояния нормы к патологии и считаются аномальными, при которых субъект с трудом приспосабливается к среде. В основе таких состояний лежат психогении (невротические и астенические состояния, конфликтные переживания) [1].

В настоящее время в клинко-психологической литературе достаточно полно описаны вопросы о нормальном и аномальном психическом развитии личности. Формирование аномалий личности представлено на самых различных уровнях: клиническом и конституционально-биологическом (Г.Е.Сухарева, 1974; А.Е.Личко, 1979,1985; В.В.Ковалев, 1979, и др.), социально-гигиеническом (З.Н.Болотова, 1985; В.Н.Кузнецов, 1987; В.А.Рязанцев, 1989) и психологическом (Б.С.Братусь, 1988; В.А.Татенко, 1989; В.В.Гульдан, 1990,1991), социологическом (А.А.Мешалкин, В.Н.Федоренко, 1988; Р.А.Ануфриева, 1991) и воспитательно-педагогическом (И.Ф.Мягков, 1991; В.А.Татенко, 1991, и др.) [2], отражающие современный этап мультидисциплинарного изучения особенностей развития личности в детском и подростково-юношеском возрасте, эффективных методов профилактики предупреждения аномальных привычек.

В литературе (З. Фрейд, 1989; Хорни, 1993; Ю.М. Губачев с соавт., 1990; и др.) есть прямые и не прямые свидетельства того, что дисбаланс структуры ЛП может являться патогенетическим или предрасполагающим фактором формирования невротоз, психосоматических заболеваний.

Однако в вышеуказанной литературе не получили достаточного освещения так называемые промежуточные состояния между нормой и патологией. Остаются дискуссионными вопросы квалификации типов аномалий личности, которые могут иметь место как в нормальном психическом развитии, так и при различных видах психопатологии.

Цель нашего исследования состояла в выявлении факторной структуры личностного пространства (ЛП) у подростков при пограничных нервно-психических состояниях. В динамике формирующаяся аномалия личности может быть представлена через выявленный личностный симптомокомплекс, анализ структуры, которого мог быть представлен через специфическую организацию личностных черт в факторной структуре личности, определяющих невозможность успешного совладания со стрессом.

Группу подростков с аномальными личностными проявлениями конфликтными переживаниями, астениями и различными вегетососудистыми расстройствами, составили пациенты Черниговского Центра медико-социальной реабилитации детей-инвалидов "Видрождения". На момент обследования в анамнезе все подростки имели различные вегетососудистые нарушения, а также невротические проявления характерные для патохарактерологического развития (сужение круга интересов, эгоистичность, повышенная капризность, раздражительность упрямство и т.п.). Все подростки неоднократно проходили курс лечения в Черниговском Центре медико-социальной реабилитации и поликлиниках города. В ходе исследования, был использован опросник Кеттелла (16-PF форма C), с помощью которого было обследовано 50 человек (25 юношей и 25 девушек) в возрасте от 14 до 16 лет. Полученные данные были профакторизованы и ротированы методом VARIMAX. В результате ротации были получены факторные структуры личностного пространства подростков, представленные в таблицах 1 и 2. Для сравнительного анализа полученных данных с контрольной группой (ее составили здоровые подростки сопоставимого возраста) были использованы результаты ранее проведенных нами исследований [3].

Факторная структура личностного пространства юношей с аномальным развитием личности представлена двумя факторами. Первый фактор представлен неравным соотношением стрессоустойчивых и стрессогенных черт, причем преимущество составляют последние. Стрессогенные свойства, усиливающие воздействие стресс-факторов на личность подростка составили: С (-) – эмоциональная неустойчивость, О (+) – тревожность, L (+) – подозрительность, Q4

Таблица 1
Факторная матрица мужской выборки подростков с аномальным и нормальным развитием личности

Группа	ФАКТОРЫ					
	I	II	III	IV	V	VI
Подростки с аномальным развитием	A, E, L, C, O, Q2, Q4	F, G, H, Q2, M				
Подростки с нормальным развитием	Q4, C, O, F, Q2	Q3, G, F, H, I	N, A, Q1	E, Q1, H	B, H	L, A, O

(+) напряженность и A (-) – замкнутость. Стрессоустойчивые черты представлены такими качествами, как E (+) – доминантность и Q2 (-) – неконформизм, независимость от мнения окружающих. Условно этот фактор можно назвать “одиноким лидер”, т.к. желание доминировать (E) и быть независимым от мнения окружающих (Q2) сочетаются в нем с состоянием напряженности (Q4), невротической раздражительности (C-), высокой тревожностью (O) и явным нежеланием идти на контакт (A-).

Второй фактор условно можно назвать как “рассудительный мечтатель”. Развитое воображение и творческий потенциал (M+) сочетаются с благоразумием, осторожностью, склонностью все усложнять (F-); робостью и застенчивостью (H-). С одной стороны такой человек стремится находиться как бы в тени, в то же время открыто выполнять социальные требования и нормы (G+), упрямо контролировать свое поведение (Q3+).

Анализ выявленного симптомокомплекса у юношей подростков позволяет сделать следующие выводы: 1) факторная структура личностного пространства подростков с аномальным развитием малодифференцирована по сравнению с нормативной и редуцирована к двум вышеописанным факторам; 2) наблюдаемый феномен уплощения факторной структуры ЛП подростков характеризуется “слипанием” отдельных признаков, представленных в нескольких ортогональных факторах в нормативной выборке, в один фактор у аномальных подростков; 3) в каждом из вышеописанных факторов выявлены общеличные комплексы, характерные как для нормативной, так и аномальной выборок в I-м факторе C-O-Q2-Q4, во II-м – F-G-H-Q2. Причем конверсия (смена знака) отдельных признаков в первом факторе (Q2+) и во втором (F-, H-) можно интерпретировать как отклонение от нормы.

В таблице 2 представлена матрица женской выборки подростков с аномальным и нормальным развитием.

Таблица 2
Факторная матрица женской выборки подростков
с аномальным и нормальным развитием личности

Группа	ФАКТОРЫ					
	I	II	III	IV	V	VI
Подростки с аномальным развитием	C, H, E, L, M, O, Q 1	A, G, H, Q1, Q2, B, Q3, Q4				
Подростки с нормальным развитием	N, I, E, G	Q4, L, O	H, C, Q1	Q2, F, Q1	B, Q3	A, G

Факторная структура ЛП девушек с аномальным развитием так же, как и мужская, представлена двумя факторами. В первый фактор вошли следующие признаки: (C+) – эмоциональная устойчивость, (E+) доминантность, (H+) – смелость, (O-) – уверенность в себе, (M-) практичность, (Q1-) – консерватизм, (Q3+) – высокий самоконтроль и (L-) – доверчивость. Условно этот фактор можно назвать, как фактор “военной дисциплинированности”, интересно то, что в него вошли признаки, которые вполне могли бы характеризовать военного. Сочетанность представленных в нем факторов отражает поведенческую характеристику испытуемых. Уверенность в себе и отсутствие чувства вины (O-) сочетаются с активностью и социальной смелостью (H+). Это подтверждается наличием признака (E+), который характеризует человека властного, упрямого до агрессивности. Высокий самоконтроль (Q3+), консервативность мышления (Q-), а также эмоциональная ригидность (C+) и отсутствие воображения (M-) может характеризовать дисциплинированную, суровую личность. Наличие этих признаков у девушек пубертатного возраста скорее может характеризовать психопатоподобную, аномальную личность. В то же время наряду с доминантностью, уверенностью присутствует признак доверчивости (L-), отражающий уживчивость, благожелательность натуры. Такое противоречивое сочетание признаков в одном факторе говорит о дискордантности (сочетание несочитаемого) ЛП девушек с аномальным развитием личности.

Второй фактор условно можно назвать “неутомимый исследователь”. В нем наряду с общительностью (A+), высоким интеллектом (B+), смелостью (H+), радикализмом (Q1+) и высокой нормативностью поведения (G+) сочетаются оппозиционные признаки конформизм и зависимость (Q2+), низкий самоконтроль (Q3-) и расслабленность (Q4-). Такой дисбаланс личностных свойств внутри одного фактора характеризует всю сложность и противоречивость аномаль-

ной личности подростка в пубертатном возрасте, а специфика связей отдельных качеств говорит скорее о сложных компенсаторных механизмах такой личности.

В целом структура выявленного личностного симптомокомплекса у девушек с аномальным развитием личности, также как и у юношей, редуцирована к 2-м вышеописанным факторам и отличается от нормативной (семь факторов); во-вторых, также наблюдается феномен уплощения факторной структуры ЛП подростков.

Гендерные различия при аномальном развитии личности у подростков характеризуются более выраженными маскулинными признаками в структуре ЛП девушек. Так, первый фактор "военной дисциплинированности" у девушек представлен типичными мужскими чертами: смелость, доминантность, практичность, консерватизм. У юношей структура личностного пространства представлена наоборот более фемининными чертами, особенно во втором факторе — мечтательность, воображение, робость, высокая нормативность в поведении. Таким образом, можно констатировать, что данные феномены — маскулинизация ЛП у девушек и феминизация ЛП у юношей, с аномальным развитием личности может являться защитными новообразованиями и predisponировать к личностной патологии. В частности, наши данные согласуются с результатами исследований В.Е. Кагана [4], который выявил повышенный уровень маскулинности у девушек, и фемининности у юношей подростков при истерическом неврозе. Исследования А.С. Кочаряна характерологического преморбиды женщин больных истерическим неврозом показали, что такие женщины более изолированы, орально зависимы и более маскулинны. Причем, при истерическом неврозе отмечается статистически значимое повышение уровня маскулинности как на уровне Я-концепции, так и на более глубоком биогенном уровне. [5, 6] Маскулинность по З. Фрейду связана с доэдиповым периодом и является регрессом в психосексуальном развитии девочек [7]. Таким образом можно предположить, что специфическая факторная структура ЛП у девушек с аномальным развитием личности может быть преморбидной к определенному типу личностной патологии.

Что касается особенностей структуры выявленного личностного симптомокомплекса у аномальных юношей и девушек, то необходимо отметить, что подобный феномен "уплощения" факторной структуры личности и редуцирования к двум ортогональным факторам нами был получен при исследовании факторной структуры личности больных язвой желудка и 12-ти перстной кишки. Один из выявленных факторов нами интерпретировался как фактор "стрессоуязвимости"

или эмоциональной нестойкости [8]. Наличие сходных признаков: подозрительность (L+), мечтательность (M+), консерватизм (Q1-) у девушек и радикализм (Q1+) у язвенников, в данном факторе, может являться подтверждением фемининно-регрессивной факторной структуры ЛП язвенных больных с одной стороны, а также predisponирующим фактором к психосоматической патологии в факторной структуре ЛП девушек с аномальным развитием личности к, с другой.

В целом можно констатировать, что феномен уплощения факторной структуры личности у подростков с аномальным развитием личности является отклонением от "нормы", нормального развития личности и цель исследования таким образом является достигнутой. Вместе с тем, специфическая организация признаков в каждом из факторов выявленного симптомокомплекса и отличие их от факторной структуры ЛП здоровых подростков и больных психосоматической патологии может быть обусловлено онтогенетическим развитием личности, и тогда вопрос является ли выявленная факторная структура личности аномальных подростков морбидной или преморбидной остается открытым и требует дополнительных исследований.

Литература:

1. Худик В.А. Детская патопсихология.-Киев: Здоровье, 1997.- 96 с.
2. Худик В.А. Психология аномального развития личности в детском и подростково-юношеском возрасте. — К.: Здоровье, 1993. — 144 с.
3. Мозговой В.И. Особенности структуры личности : возрастная динамика и гендерные особенности. // Вестник Харьковского Университета N 391, серия психология, с.52.
4. Каган В.Е. Половая идентичность у детей и подростков в норме и патологии. Автореф. диссертации на соискание ученой степени докт. медиц. наук (19.00.4; 14.00.18). — Ленинград, 1991. — 33 с.
5. Кочарян О.С. Характерологічний преморбід жінок, що хворіють на істеричний невроз. // Український вісник психоневрології. — т. N4, вип.5(12). — Харків., 1996 р. — с. 367
6. Кочарян А.С. Личность и половая роль (симптомокомплекс маскулинности/фемининности в норме и патологии). — Х: Основа, 1996. — 127с.
7. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. — М.: Наука, 1989. — 455с.
8. Мозговий В.І. Особливості факторної структури особистісного простору хворих виразкою шлунку та дванадцятипалої кишки. // Український вісник психоневрології. — т. N4, вип.5(12). Харків., 1996 р. — с. 375

ПОЛІТИЧНА ЕЛІТА ЯК ПСИХОЛОГІЧНИЙ ФЕНОМЕН ПЕРЕХІДНОГО ПЕРІОДУ

Стаття посвячена феномену политической элиты в условиях переходного периода. Рассматриваются этимологические и исторические источники понятий "элита" и "политическая элита". Описываются психологические предпосылки влияния трансформативных процессов на формирование новой элиты. Предложен ряд психологических качеств, обуславливающих успешное функционирование элитных представителей в обществе переходного типа.

Останнім часом як у західній науковій літературі, так і у вітчизняній, не говорячи вже про засоби масової інформації, різко зростає актуальність дослідження феномену "політична еліта". Цей факт свідчить про підвищення ролі елітних угруповань у суспільстві перехідного типу, яке характеризується передусім дестабілізацією соціального життя, відсутністю чіткої структурованості та визначеності. Можливості розв'язування чи, принаймні, подолання проблем перехідного періоду в значній мірі залежить від загального стану й ефективного функціонування державної політичної еліти.

Психологія політичної еліти, на відміну від політологічного і соціологічного тлумачень цього феномену, зовсім нова сфера знань, тому її головні аспекти, особливо прикладного характеру, не розроблені в достатній мірі. Такий стан справ пов'язаний із проблемою складності і системності поняття "політична еліта", і взагалі поняття "еліта", оскільки еліта не існує сама по собі, а взаємодіє з народом. Тому в результаті усвідомлення і населенням, і елітою причетності останньої до влади, поняття "політична еліта" набуло необхідного рівня суб'єктивності. Таким чином, сформувався предмет психологічного дослідження – політична еліта перехідного періоду. Підходячи до цього питання, необхідно зупинитись на деяких чинниках історичного і загальнонаукового рівня, які вплинули на утворення поняття "політична еліта".

Визначення поняття "політична еліта" – це складна проблема в будь-якому суспільстві, навіть якщо в ньому царює стабільність. Тим більше це поняття набуває суперечливого характеру, якщо мова йде про сучасний динамічний соціум. Цей термін був запозичений із західної наукової думки, і у перекладі з французької "elite" означає кращий, відбірний, обраний. Аналізуючи етимологію даного терміна, необхідно відмітити, що він має ще і латинське походження – "eligere", що значить "відбирати". Первинне використання цього терміна припадає на 19 століття, коли елітою називали товари вищого аутунку, а

потім термін стали використовувати і по відношенню до суспільства, а саме до вищої знаті й привілейованих військових підрозділів (1).

У науковому суспільстві вперше термін “еліта” був використаний у працях відомого італійського соціолога В. Парето, до цього він не застосовувався в суспільних науках до кінця 20 століття, а в США – навіть до 30-років 20 ст.

Необхідно відзначити той факт, що поняття “еліта” трактувалось різними політологами, економістами, соціологами, філософами вельми неоднозначно. Так, наприклад, В. Парето визначав еліту з позицій психологізму і відносив до неї людей, які отримали найвищий індекс у сфері їх діяльності. Американський політолог Г. Лассуел бачить у еліті людей, які мають у суспільстві найбільший престиж, статус і багатство. Ми будемо використовувати це поняття у тому значенні, що еліта – це найбільш відомі представники будь-якої частини суспільства, вищі прошарки в системі соціальної ієрархії. До того ж, якщо бути термінологічно коректним, то справжня еліта за самим означенням завжди компетентна. В протилежному випадку мова може йти тільки про “псевдоеліту” з усіма її обов’язковими атрибутами – некомпетентністю, корупцією, паразитизмом, аморальністю, безвідповідальністю, але з претензіями на елітарність.

Якщо згрупувати всі існуючі дефініції, то в їх центрі зосереджуються два підходи до визначення поняття еліти: ціннісний і структурно-функціональний. Перший підхід базується на тому принципі, що еліту складають ті люди, які мають інтелектуальну або моральну перевагу над іншими. Згідно з другим підходом еліта виконує виключно функцію управління.

Завдяки значному концептуальному зв’язку терміна “еліта” з феноменом влади поняття “еліта” у вузькому значенні слова практично тотожне поняттю “політична еліта”. Визначення “політичної еліти” також багатозначні й неоднорідні. Причому різними авторами поняття трактується по-своєму, а однакові терміни використовуються для позначення різних понять. Політичну еліту найчастіше визначають як невелику частину суспільства достатньо самостійну, вищу, відносно привілейовану групу (чи сукупність груп), яка в більшій чи меншій мірі володіє відомими психологічними, соціальними та політичними якостями й безпосередньо бере участь у процесах розробки і здійснення рішень, зв’язаних із використанням державної влади чи впливу на неї.

В різній науковій літературі політичну еліту ототожнюють, по-перше, з “правлячим класом”, по-друге, з “пануючою елітою”. В зв’язку з цими обставинами необхідно внести ясність у дане припущен-

ня. З нашої точки зору, “пануюча еліта” не є рівнозначною поняттю “політична еліта”, оскільки вона включає до себе різні групи, які приймають активну участь у владних процесах. Тобто до пануючої еліти входять як політична, так і інші типи еліт – економічна, культурна, наукова, ідеологічна, військова. Що стосується поняття “правлячого класу”, то на відміну від політичної еліти, яка не завжди тримає у своїх руках реальну владу, ця група людей безпосередньо володіє державною владою.

Як відомо, суспільство поділяється на меншість, тобто еліти, і на більшість, тобто маси. По суті поділ людей на політичну еліту і маси детерміновано об’єктивними факторами політичного, соціального та економічного характеру. Психологічний підхід стверджує, що еліта і маси мають особливі, лише їм властиві, психологічні якості. Серед психологічних тлумачень еліт досить поширеною є концепція З.Фрейда. Він уважав, що диференціація суспільства на еліту і масу виникла з родового авторитету. Кожній масі та окремій людині притаманна потреба в авторитеті як вираження батьківської опіки, що існувала в дитинстві. У дорослої людини це ховається у сфері підсвідомого та проявляється в необхідності коритися нормам і правилам, що встановлені владою. Зовнішні протиріччя – це прояв внутрішніх. І в кожній людині, за Фрейдом, є два начала – бажання життя (ерос) та бажання смерті (танатос). У еліти переважає перше, а в маси – друге. Маса з її психологією Фрейд розглядав як вияв агресії первісної орди, тому те необхідне, що чинить еліта, є благом для маси. На думку неофрейдистів (Е. Фромм), протиріччя в існуванні еліти і маси пояснюють садистсько-мазохістські механізми. Садистські тенденції означають характерні для елітарних орієнтацій особи бажання зробити інших залежними від своєї волі; прагнення, не розпоряджаючись абсолютно, використати їх для своїх цілей; потяг до фізичного, морального насилля. Для маси характерний мазохізм, котрий пояснюється Фроммом як один із захисних механізмів, що допомагає людині запобігти ізоляції. Людина тікає від свободи, відповідальності за самостійні рішення і підкоряється владним принципам, що встановлюються елітою. Звідси висновок: існування еліти і мас психологічно й політично взаємонеобхідне.

Політична еліта являє собою референтну групу як по відношенню до індивідуальних представників еліти, так і для позаелітних груп, тобто мас. До того ж ця невелика соціальна група не просто бере участь у процесі прийняття стратегічних соціально значущих рішень, але й звертається у своїй діяльності до суспільної думки. До політичної еліти необхідно відносити тих, хто професійно займається пол-

ітикою. Крім того, слід зазначити, що політичну еліту не можна отожднювати з адміністративною елітою. Незважаючи на те, що в рамках сучасного суспільства достатньо важко провести жорстку межу між політиками і чиновниками, все ж важливо враховувати їх різницю. Політична еліта підтверджує свій політичний статус, до того ж неодноразово, безпосередньо через вибори. У першу чергу, до її складу входять народні депутати, які причетні до публічної політики і до процесу прийняття державних рішень. Крім депутатського корпусу, до політичної еліти також необхідно зарахувати вищі та середні ешелони виконавчої влади.

До складу політичної еліти будь-якого суспільства потрібно відносити, з одного боку, вузьке коло осіб, які займають владні позиції у державі й офіційно приймають найважливіші рішення. І з другого боку, так звані "неформальні авторитети" – це можуть бути не тільки політики, але й спеціалісти у сфері економіки, історії, соціології і психології, які залишаються поза публічним оповіщенням. Останні виконують функцію радників, головним завданням яких є створення проміжних рішень та забезпечення реалізації їх.

Проблематикою процесів формування, розвитку, функціонування і трансформації політичної еліти займаються, як правило, фахівці з політології, соціології, філософії. Власно психологічний аналіз актуальних питань елітної тематики проводиться спеціалістами у сфері політичної психології, але такі дослідження носять подекуди теоретично-розвідувальний характер. Але попри все особливу актуальність сьогодні набуває дослідження психологічних феноменів у галузі політики. Проблема ускладнюється через те, що оскільки трансформується суспільство, то взагалі змінюються і характеристики самих елітних груп. У межах даної статті ми спробуємо проаналізувати психологічні якості, які, на нашу думку, повинні вважатися характерними для представників сучасної політичної еліти.

Як відомо, політична еліта в тій чи іншій мірі повинна володіти психологічними якостями. Психологічне підрунтя політичної діяльності представників влади складає основу професіоналізму та взагалі елітарності. Наприклад, компетентність елітних угруповань складають якості, серед яких можна виділити, по-перше, рівень знань і накопичений досвід, по-друге, сукупність організаційних і комунікативних здібностей, по-третє, наявність таких загальнолюдських якостей як порядність, чесність, відвертість і т.ін.

Головною ознакою перехідного періоду є різноманітні психологічні колізії на тлі трансформаційних процесів у сучасному суспільстві, коли, з одного боку, відбувається процес утворення нової політичної

еліти, з другого боку, йде процес адаптації мас у суспільстві його динамічних змін. Оскільки еліта і маси є необхідними елементами суспільства, піднімаються питання про спосіб їх взаємовідносин або про їх оптимальне співвідношення. В ідеалі відносини еліти і маси повинні знаходитись у стані рівноваги, але всім зрозуміло, що це у перехідний час практично неможливо. Насправді, еліта і маси протистоять одна одній, до того ж центр їх протистояння енергійно зміщується то в бік еліти, то до маси, в залежності від історичної зумовленості. За конституцією народ обирає владу, тобто еліту, для того, щоб остання реально виконувала делеговані населенням функції. Але здійснення елітою цих функцій починається у тому випадку, якщо будуть співпадати ціннісні орієнтації еліти і ціннісні очікування народу, а також реалізуються за рахунок відповідних особистісних рис (якостей) еліти, які, в свою чергу, співпадуть з орієнтаціями позаелітних груп.

Слід відзначити, що сучасній українській політичній еліті бракує принаймні трьох психологічних характеристик, які б наблизили її до професіоналізму, а також підвищили б рівень сприйняття населенням позитивного відношення до влади, і в результаті – скоротили б розрив між народом і елітою. До цих характерних рис необхідно віднести почуття відповідальності, рішучість і здатність до ризику.

Відповідальність, на нашу думку, являє собою найважливішу якість у даному переліку. За "Словником практичного психолога" відповідальність – це "контроль над діяльністю суб'єкта з позицій виконання прийнятих ним норм і правил"(2). У психології виділяють відповідальність особистості перед суспільством, яка характеризується свідомим дотриманням моральних принципів і правових норм, і відповідальність як рису особистості, котра формується в результаті інтеріоризації соціальних цінностей, норм і правил. У зв'язку з цим ми припускаємо, що високий рівень професіоналізму представників політичної еліти виявляється, по-перше, через міру їх відповідальності перед своїми виборцями, по-друге, що здається нам головним, рівень компетентності політичних діячів залежить від усвідомлення цієї відповідальності перед самим собою.

Другий не менш важливий чинник успішної діяльності політичної еліти – вияв рішучості як риси характеру особистості. Особливо ця якість має значний сенс у складних ситуаціях, коли вчинок людини пов'язаний із відомим ризиком і необхідністю вибору альтернатив. Треба думати, що такі суперечливі обставини виникають у діяльності політиків, та і не тільки у них, дуже часто, особливо, коли такі кроки необхідно робити в умовах невизначеного часу, тобто за-

раз. “У ролі політичних діячів перед нами виступають нерішучі люди, що лише намагаються видати себе за стійких державних мужів...” – так професор Лоуренс Пітер, автор всесвітньо відомого бестселеру “Принцип Пітера”, оцінює стан справ у США і Канаді(3). Безумовно, так можна сказати і про нашу країну; це лише підтверджує, що проблема “некомпетентної еліти” є всезагальною. Крім того, почуття рішучості – це не тільки здатність самостійно приймати відповідальні рішення та неухильно здійснювати їх у діяльності, але і спроможність сміливо брати на себе відповідальність за прийняте рішення, своєчасність дії, вміння швидко його виконувати або стримувати.

Зрозуміло, що почуття відповідальності і рішучості завжди доповнюють один одного та виявляються взаємозв'язаними та невіддільними. Тому в сучасних умовах розвитку суспільства, коли людині важко психологічно прилаштовуватися до нових вимог перехідного періоду, політична еліта, разом з масою, повинна набувати цих якостей і до того ж формувати в собі ще одну психологічну якість – здатність до ризику.

Кожний політичний діяч, якщо він бажає довго протриматись на високих “щаблях” соціальної системи, повинен прагнути імпонувати різним прошаркам суспільства. А для цього політик повинен бути актором, тобто майстерно оволодівати вмінням будувати та коригувати власний імідж. Імідж – це набір якостей, який створюється у масовій свідомості і має характер стереотипу емоційно забарвленого образу когось або чогось(4). Треба відзначити, що імідж політичної еліти у багатьох випадках формується стихійно, але всечастіше – він уже є результат роботи спеціалістів-психологів. Отже, актуальним практичним завданням політичних психологів є формування публічного іміджу представників еліти, враховуючи обов'язкову наявність таких суттєвих психологічних якостей як відповідальність, рішучість і здатність до ризику.

Література:

1. T. Bottomore, *Elites and Society*. – Harmondsworth, 1966. – P.7.
2. Словник практичного психолога/ Під ред. С.Ю. Головіна. – Мінськ, 1997. – С. 376.
3. І. Каганець. Еліта і псевдоеліта. “Українське слово”, Ч.7, – 18.02.99. – С.5.
4. Словник практичного психолога/ Під ред. С.Ю. Головіна. – Мінськ, 1997. – С. 188